

СТАЛКЕР

Андрей Левицкий

[Я — СТАЛКЕР]
ВОЙНА ЗОНЫ

Андрей Юрьевич Левицкий
Война Зоны
Серия «Апокалипсис-СТ»
Серия «Я – Сталкер», книга 15

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=37676889

А. Ю. Левицкий. Я – сталкер. Война Зоны: ООО «Издательство АСТ»;

Москва; 2018

ISBN 978-5-17-110475-7

Аннотация

Противостояние в Зоне развернулось не на шутку. Бывшие друзья теперь враги. Химик засел в таинственном Институте, на секретных ярусах которого обнаружили темные тайны, о которых он и не подозревал. Бывалый сталкер разрывается между желанием излечиться и стремлением разгадать секреты артефакта, который может вылечить его. Тем временем Пригоршня сколачивает боевой отряд, чтобы взять Институт штурмом и выжечь его дотла. Пришел в движение весь сталкерский мир – и схватка теперь неизбежна!

Содержание

Часть 1. Противостояние	5
Глава 1. Пригоршня. Крах	5
Глава 2. Химик. Результат	26
Глава 3. Пригоршня. Двойное предательство	41
Глава 4. Химик. Испытание	67
Глава 5. Пригоршня. Ни у кого нет выбора	83
Конец ознакомительного фрагмента.	97

Андрей Левицкий

Я – сталкер. Война Зоны

© А. Ю. Левицкий

© ООО «Издательство АСТ», 2018

* * *

Часть 1. Противостояние

Глава 1. Пригоршня. Крах

Если одним словом описать результат нашей экспедиции, то это КРАХ. Химик ушел с артефактом, как детей нас развел, я подвел себя, Деню, земля ему пухом, Литвинова. Как теперь ему в глаза смотреть? Что теперь делать?

Жену я отправил в Крым, и теперь ей возвращаться нельзя, потому что на нее начнется охота «руновцев» – я их разозлил, и они попытаются отомстить. Хотелось кого-нибудь убить, но за неимением под рукой врага приходилось сдерживать негодование. Нужно было добраться до безопасного места поближе к Периметру, отдышаться, придумать, что делать дальше, потому что мы направлялись к бару «Титаник».

Я все время отвлекался и забывал, что мы в Зоне, где опасность на каждом шагу. Хорошо, негр Алеша наконец втянулся и научился работать в паре с Полковником.

Хоть Полковник и годился мне в отцы, нюх у него был как у собаки, а глаз как у орла. Он научился видеть некоторые аномалии, даже не бросая вперед гайки. Все что оставалось Алеше – прикрывать Полковника. Справлялся он неплохо, в спорных случаях перестраховывался гайками, когда аномалии разряжались, удивлялся и расспрашивал Полковника,

как ему такое удается, он ведь первый раз в Зоне. Наверное. У него талант, как у Химика. Если бы подался в сталкеры, равных ему не было бы. Полковник отшучивался, объяснял все боевым опытом, о котором не распространялся. Я полагал, что это Афган, как раз по возрасту подходит.

А вот и «Титаник» замелькал в просвете между сосновыми стволами, старый, как мой сталкерский стаж.

– Ух ты ж еж твою дрожь! – не сдержал чувств шагающий позади Алеша, шагнул ко мне и принялся тереть глаза.

Туша «Титаника», утопленная в застывшем иле, на пару секунд вгоняла в ступор, даже если ты был тут сотню раз. Идешь, такой, по лесу, сосновые шишки пинаешь, и вдруг – опа! Поляна, да не совсем поляна, а высохшая клякса озера, испещренная трещинами, как старушечье лицо, а посреди поляны – баржа, ржавая, облезлая... Словно комары, вертят крыльями ветряки на таких тонких ножках, что их и не видно. Разогретая солнцем баржа курится и потому кажется миражом.

Я переводил взгляд с впечатленного Алеша на баржу и не мог решить, что нелепее: эта подводная лодка в степях Украины или негр-сталкер в Подмосковье.

– Интересно, – Полковник вздохнул и принялся потирать заросший седой щетиной подбородок. – Я понимаю, что Зона – место фантастическое, но чтобы настолько!

– Это фигня, – пробормотал я. – Годик походишь по Зоне, вообще перестаешь удивляться, страх отмирает.

– И что, там прямо внутри – бар? – как ребенок обрадовался Алеша, спасибо, «ух ты» не добавил.

– Ну да, – кивнул я и зашагал по илу, больше напоминающему старый потрескавшийся асфальт.

Все им нипочем. Алеша со мной пошел, видимо, больше ради приключений, Полковник – вообще непонятная личность. Что ему нужно? Помочь? Вот уж глупости. Деньги? Они у него и так есть. Думает, что не успеет осуществить мечту и побывать в Зоне? Спрашивать я не стал, потому что в голове уже толкался выводок мыслей: что с нами будет, если Химик активирует артефакт? Не опасно ли в баре, нет ли там людей под внушением? Как в кратчайшие сроки набрать команду?

– Не забываем о том, что в Зоне каждый может быть врагом, – напомнил я на ходу. – Оружие не сдаем, при необходимости отстреливаемся. Полковник, прикрывай нас и пока побудь здесь.

Мы с Алешей шагали бок о бок, до баржи было метров пятьдесят, открытый участок отлично простреливался, случись чего, и спрятаться некуда: две удобные цели идут к своей гибели. Если доберемся незамеченными, считай, спасены.

– Надо было в любой разваленный дом зайти, обсудить, – срывающимся голосом прошептал Алеша, и слова его перекрывались стрекотанием ветряков.

– Мне надо позвонить. Телефон разряжен, – коротко от-

ветил я.

Когда тень баржи накрыла нас, я выдохнул и с автоматом наизготовку, боком принялся взбираться по скрипучему деревянному трапу, Алеша спрятался за гору гнилых, почерневших от времени бревен и прикрывал меня. Ступенька, еще ступенька. Присесть на палубе, жестом позвать Алешу. На полусогнутых перебежать к капитанской рубке, где и находился бар. Мысленно перекреститься перед тем, как распахнуть дверь, опустить автомат так, чтобы при необходимости было удобно вскинуть ствол.

Алешина черная голова почти сливалась с ржавчиной, он наблюдал за мной и готов был прийти на помощь в любую секунду. Я кивнул на дверь, и напарник перебежал ко мне, я толкнул дверь и шагнул в бар, где пахло табаком и сосновой смолой.

Бессменный хозяин по прозвищу Вуд, вытирающий стол, обернулся на скрип петель, замер с тряпкой в руках и уставился на меня так, словно не узнавал. Неужели и он под внушением? Если так, то сейчас Вуд должен попытаться меня прикончить. Но нет, вытер руки о рубаху на необъятном животе, близоруко прищурился и воскликнул:

– Мотать мой лысый череп! Пригоршня, ты?

Не дожидаясь ответа, Вуд зашагал ко мне и принялся трести протянутую руку:

– Как я рад тебя видеть, ты бы знал! Где тебя носило, старина? Говорят, женился, большим человеком стал.

– Я тоже рад, мне бы пройти...

– Да-да, конечно...

– Я не один.

– Ну и хорошо... А чего ты такой напряженный? Эй! – он щелкнул пальцами у меня перед глазами, и захотелось съездить ему по роже, но я сдержался. – У тебя все в порядке?

Не отвечая на его вопрос, я обернулся и крикнул:

– Алеша, чисто, зови Полковника.

Расслабляться нельзя, потому что у Вуда, как и у других, может в любую минуту случиться затмение. Сложись все иначе, я бы искренне ему обрадовался.

– Неприятности у нас, – ответил я на вопрос во взгляде. – Мне бы телефон зарядить, – я протянул ему пятисотку, но взгляд Вуда перекочевал за мою спину, и глаза его распахнулись – Алешу увидел.

– Вот так чудо расчудесное, – проговорил он.

– Допустим, русалка. Допустим, с ребенком... А где тут у вас живет водолаз Боря? – сострил Алеша и сразу расположил к себе ухмыльнувшегося Вуда.

– Проходи, Иван-царевич! – пригласил он, взял пятисотку и протянул руку, куда я вложил телефон с зарядкой, и направился за деревянную барную стойку.

Алеша поравнялся со мной, запрокинул голову, разглядывая интерьер. Я тоже осмотрелся и отметил, что бар пуст, и это замечательно. Вуд присел за стойкой, ненадолго исчез из поля зрения, заставив нас напрячься, появился и предложил:

– Может, пива?

– Пива! – махнул рукой Алеша. – Темного нефильтрованного.

– Мне двойной американо, – отозвался с порога Полковник, сел за стол напротив Алеша – так, чтобы следить за входом.

Вуд поглядывал на нас с любопытством, он знал всех сталкеров, а тут – два новичка и вернувшийся старичок – чем не повод лясы поточить? Только не нужна мне была его компания. Я сел рядом с Алешей, чтоб видеть Вуда, и тоже взял пиво.

– Вроде он не опасен, – прошептал Алеша.

– Ты вспомни, что остальные поначалу тоже были неопасны, а потом их перемыкало.

– Полагаешь, все сталкеры представляют угрозу? – проговорил Полковник тоже шепотом, задумчиво глядя на дверь.

– Надеюсь, что нет. Надеюсь, мы успеем остановить Химика.

– Назрел вопрос, – Полковник сплел пальцы на столе. – Каким образом происходило зомбирование людей, кто подвергся, кто нет, и не затронет ли это нас, когда твой бывший приятель осуществит задумку...

– Забирайте кофе, – крикнул Вуд. – Пиво пока ждите.

– Он уже на месте, – предположил я. – Что-то ему помешало...

– Пригоршня! Я на неделе видел твоего приятеля, – не

унимался Вуд. – Химика...

– Наши дороги разошлись, – ответил я, с трудом сдерживая злость.

Вуд посмотрел на меня и все понял, умолк, но надолго его не хватило. Он принес три кружки пива и уселся с нами, жажда общения. Еще немного, и я заберу телефон, позвоню Литвинову...

– И что же у вас стряслось? Расскажи, вдруг чем помогу.

Святая простота! Дают – бери, бьют – беги. Почему бы не принять его помощь?

– Кроме нас, тут есть кто-то еще? – спросил я, Алеша заозирался.

– Сегодня очень кислый день, – пожаловался Вуд, я положил на стол тысячную купюру – немного, но что-то лучше, чем ничего.

Мог бы и сам догадаться, общительный Вуд с тоски помирает, отсюда и его натиск.

– Насчет приятеля моего Химика, – заговорил я и понял, что голос мой меняется, делается тяжелым, как свинец. – Как давно он связан с «Руной»?

Вуд на секунду задумался, мотнул головой:

– Впервые слышу. Что за «Руна»?

Мы с Полковником переглянулись, он вздохнул. Вуд с непониманием следил за нами и, похоже, начинал закипать. Я поразмыслил и решил идти ва-банк:

– Где-то в Зоне орудует группировка «Руна», они испы-

тывают на детях смертельные вещества, а здесь о них никто ничего не знает. Удивительно, правда?

Вуд глубоко задумался, уставившись на кружку пива, напряженную работу мысли выдавали вертикальные морщины над переносицей.

– Н-дааа... Вот же... И я не знаю, а должен был. И как не заметил... Стоп! Химик, говоришь... Химик живет где-то в Зоне, появляется иногда. Но где именно он живет, я не в курсе. Однажды приходил с типом, то ли Игорь, то ли Ингвар... Не помню. Ушли в Зону, и с концами. Сталкеры – замкнутый народ, и если кто-то хочет спрятаться в Зоне, он спрячется. А ты какими судьбами в Зоне?

– Понимаешь, какое дело, – начал я издалека. – Сейчас друг мой Химик делает сборку, с помощью которой «Руна» будет управлять всеми нами. Программу тебе в башку заложат, как это делает кукловод, а ты и не заметишь, будешь жить и не знать, что тебя за ниточки дергают. Я пытался этому помешать, да не получилось.

Вуд распахнул рот, захлопнул его под перекрестным огнем наших взглядов, помотал головой:

– А то я думаю, чего Химик странным стал, сам на себя непохожим...

– Не поможешь ты нам, Вуд, – резюмировал я. – Давай телефон, попытаюсь позвонить, переговорить кое с кем.

Вуд грузно поднялся, проковылял к барной стойке. Может, прежнему добряку-Вуду я бы доверился, но кто знает,

сидит ли в его голове враг? Потому Полковник держал руку на автомате, который положил на колени, а глаза Алеши так и бегали, выискивая подвох.

Мой телефон-птеродактиль показывал одну полоску зарядки из четырех – на звонок должно хватить. Связь, слава Богу, была – и на том спасибо, не нужно переться к самому Периметру, потому я сгреб со стола телефон, поднялся:

– Вы тут поговорите, Вуд, попытайся что-нибудь вспомнить, а мне надо позвонить.

Полковник понимающе кивнул – догадался, что звоню я покровителю, сделавшему нам пропуск в Зону. На палубе меня чуть не сдуло порывом ветра. На востоке надувалась чернильная туча-осьминог, тянула щупальца облаков. Где же ты засел, Химик? Все равно тебя выкурю из логова, чего бы мне это ни стоило!

В списке контактов нашел Литвинова, набрал его. Пока слушал протяжные гудки, взмок. Наконец на том конце линии что-то щелкнуло, и Литвинов обрушился лавиной:

– Новиков, мать твою разтак! Где тебя носит?! Если честно, я тебя похоронил. Артефакт у тебя?

– Нет. Нам не удалось его отбить.

Давно не слышал, чтобы кто-то так витиевато ругался, хотелось отодвинуть трубку от уха – казалось, что оттуда вылетит слюна. Выпустив пар, Литвинов затребовал подробности, и я изложил их, упустив момент, что не стал убивать Химику. Особист смолк и молчал, наверное, минуту – пере-

варивал услышанное. Полжизни отдал бы, чтобы узнать, какие мысли рождаются в его голове. Когда заговорил снова, голос его был спокойным, уверенным:

– Что ты думаешь делать дальше?

Лукавить я не стал:

– Соберу команду, разнюхаю, где их логово...

– Уходи оттуда, – посоветовал он. – Ты не можешь никому доверять, команду надо набирать за пределами Зоны. Да и они в любой момент могут активировать артефакт. Вряд ли внушение распространится за пределы Зоны, ты нужен мне здесь. Возвращайся, вместе мы подумаем, как лучше поступить.

Поначалу я хотел просить его о помощи, но потом передумал – не нравилось, что он старается меня вернуть. Его волнует моя судьба? Что-то не верится. Отказался от изначального плана? Договорился с Соловьевым?

– Никита, чего ты молчишь?

– Да... Да, наверное, ты прав.

– Конечно. Я прав!

– У меня телефон разряжен. Подзаряжу, тогда наберу.

Отключившись, я вырубил трубу, сел прямо на нагретый солнцем металл, скрестил ноги по-турецки. Контроль над ситуацией ускользал, я уже отвык от мерзейшего ощущения беспомощности. Надо посоветоваться с командой – вдруг что умное подскажут, и Полковник, и Алеша – головастые. Вуд тоже пусть послушает, хрен с ним! Он постоянно в Зоне,

вдруг что ценное вспомнит.

Я неторопливо прошествовал на место, сел и проговорил:

– Поздравляю нас, мы остались без подпитки извне.

Вуд выглядел расстроенным больше всех.

– Расскажи подробнее, что за артефакт у Химики и что с нами всеми будет, когда он его применит.

– Точно не знаю, но видел людей, которые превращались в зомби и бросались нас убивать. Одни попали под влияние, другие – почему-то нет. Но, согласись, приятного мало.

Вуд подпер голову рукой и принялся рассуждать:

– Смотри. У него один-единственный артефакт...

– Сборка, – поправил Алеша.

– Это не меняет сути. Сборка одна, а Зона большая. Как он распространит ее влияние на всю Зону? Ага! Никак. Сборка будет действовать на небольшой участок, кто за его пределами, в безопасности. Раз сейчас уже есть сталкеры, подчиненные чужой воле, значит, такая сборка была и раньше... И с ней что-то случилось, правильно?

Я развел руками и сказал:

– Вроде как да. И еще есть вещество. Примешь его раз – станешь куклой, и тебе надо будет принимать его всегда, иначе умрешь.

– Внезапно мрущих сталкеров не замечал, значит, дело все-таки в сборке, а не в веществе. Как видишь, я не под влиянием, потому что сижу в одном месте, куда чужая воля не дотягивается. Облучились, назовем это так, только те, кто

забрелал в определенную область.

– Ладно, согласен, – я поднял руки. – Но как объяснить, что сборкой заинтересовались люди за пределами Зоны? Это известный политик, не буду называть имени.

– Его или обманули, преувеличив силу сборки, или есть способ ее усилить. Если второе, мы бы уже плясали под чужую дудку.

– Предполагаю, что усиливать сборку будут с помощью устройства, которое может быть пока не готовым.

Вуд щелкнул языком и помрачнел – наверное, представил такой ретранслятор, представил, как усиленную команду передают через телевышки, и глаза миллионов людей стекленеют. Где-то я о таком или слышал, или фильм смотрел – сейчас не вспомню.

– Ну и сволочь же этот Химик! – Вуд хлопнул ладонью по столу. – Да как он может в глаза нам смотреть? Приятеля из себя строит, козел!

– Все очень просто, – проговорил Полковник. – Некоторые люди не любят ощущать себя, как вы сказали, козлами, потому они придумывают красивые оправдания своим действиям. Например, «для вашего же блага», «вы все испортите, я сделаю лучше».

– Вот! – я чуть со стула не упал. – Именно так! Химику не нужна власть, а «как лучше» он любит!

– Полагаю, с мотивами преступления мы определились, – проговорил Полковник. – Теперь надо разработать план дей-

ствий с учетом новых реалий...

– Реалии таковы, что у нас нет денег даже на оружие! Два автомата, и все – не очень-то повоюешь! – резюмировал Алеша.

Вуд вздохнул:

– Это плохо. Могу предложить еще один АК и «мосинку», но этого, согласен, мало. Кстати, имейте меня в виду, я, хоть и грузен, но молодому фору дам! Опыт не пропьешь.

Полковник предложил:

– Наш новый союзник Вуд – доказательство того, что сталкеров можно убедить помочь нам. Осталось придумать, как заставить их поверить, что угроза не придумана нами, и это не манипуляция, чтоб решить свои вопросы.

Мы задумались и замолчали. Алеша предложил рассказывать всем встречным, Полковник отверг его решение – никто не поверит старому дезертиру Пригоршне и сталкерам, которых никто не знает. Вуд сказал, что даже ему вряд ли поверят. Я вспомнил, что половина сталкеров может оказаться под внушением. Получалось, что нам нужны некие материальные ценности, которые мы сможем предложить в обмен на помощь, а их у нас и нет.

– Можно попытаться счастья и сходить к горбуну нашему.

– Что за горбун? – поинтересовался я, Алеша тоже навострил уши.

– Отстал ты, Пригоршня, от жизни, просиживая штаны в кабинетах! – с упреком сказал Вуд. Захотелось возразить,

выплеснуть на него негодование, что в Зоне было проще и понятнее, с людьми труднее, а вокруг столько сволочей, что мама не горюй. И за всеми глаз да глаз! А они ужами извиваются.

Я уже открыл рот, да заставил себя его говорить совсем не то, что было на уме, – большой мир научил:

– Так что за горбун?

– Спрут. Появился будто ниоткуда, страшен, как третий круг Зоны, упырь его видит и в обморок падает. Живет в бункере, чахнет над несметными сокровищами неизвестного происхождения, я был у него – любой оружейный магазин отдыхает, как вспоминаю оружейню, слюна наворачивается. Самому ему это все ни к чему, его жутко изуродовало то ли в «скруте», то ли в другой аномалии, но на нашем брате он нажитья не прочь. А еще говорят, что он видит все, что происходит в Зоне, с ним можно договориться, взять в долг, напрокат, если он посчитает, что ты прав.

– А сам-то ты веришь, что этот Ванга узрит всю суть и нам воздаст? – с иронией спросил Алеша.

Вуд посмотрел на него без выражения, допил пиво и рукавом вытер пену с губ.

– Не верю. Но если есть малейший шанс, почему бы им не воспользоваться? Тем более, живет Спрут недалеко, идти часа четыре. Как раз успеете обратно, чтоб переночевать, набраться сил.

– Угу, – пробурчал я, покосился на Полковника. – Вы как,

со мной или расходимся?

– Не в моих принципах недоделывать дела, – сказал Полковник, а вот Алеша вроде засомневался, глаза его забегали, он на полминуты замолчал и выдал:

– Ладно, и меня записывайте, куда ж вы без меня? Пропадете ведь.

– Я пока здесь, – Вуд поднялся, погладил живот. – Если позовете, пойду с вами.

Я тоже встал, поблагодарил толстяка и снова подумал о том, можно ли ему доверять. Вдруг он заманивает нас в ловушку? Слишком уж просто принял нашу сторону. Или предательство Химика так меня подкосило, что в каждом я теперь вижу врага? Хотя... предательство ли? Скорее, это он считает, что я его предал, когда выбрал не Зону, а Олесю. Что ж, отчасти он прав... Мог бы ведь и с Олесей быть, и в Зону ходить... Но каждый раз думал бы о том, что меня ждут и могут не дожидаться.

– Давайте я покажу, где искать Спрута, – не унимался Вуд. – Спроси любого сталкера – каждый скажет.

– У меня есть еще один план, – солгал я. – Извини, Вуд, но пока не скажу. На случай, если он не сработает, отметь на карте, где магазин Спрута.

Вуд взял из моих рук мятую-перемятую карту, разложил ее на столе, ткнул пальцем в Клин и поставил жирную точку карандашом.

– Здесь, видишь? Всего-то часа три-четыре часа пути.

Я мысленно прикинул расстояние, отметил, что Вуд не солгал, перебрал все возможные препятствия и сделал вывод, что если кто попытается нам помешать, это будут люди, а не мутанты.

– Спасибо, Вуд! Если не получится, что я задумал, обязательно загляну к Спруту.

– Жду вас на ночевку, – улыбнулся он и, кряхтя, протопал к барной стойке, вернулся и поставил на стол две коробки. – Возьмите, это патроны к «калашам». Скорее возвращайтесь и держите меня в курсе. Чутье подсказывает, что ты, Пригоршня, сказал правду. Что-то мне не хочется стать марионеткой в чужих руках.

Распрощавшись с хозяином бара, наша компания высыпала на борт баржи.

– Что за план? – сгорал от нетерпения Алеша.

– Позже расскажу, – отмахнулся я и уставился на север, туда, где находился разделенный на две половины город Клин. В западной его части жили люди, восточную населяли призраки, для человека неопасные, по крайней мере днем.

Небо заволокло тучами, потянуло сыростью и гнилью.

По деревянному трапу мы спустились с баржи, и я направился на север. Полковник и Алеша шли за мной молча. Негр не выдержал первым:

– Так что у тебя за план-то? И что конкретно тебе сказал наш благодетель?

Я остановился, повернулся к ним всем корпусом:

– Благодетель был зол и велел скорее убираться из Зоны...

– Это разумное предложение, – оценил Алеша.

– Мне так не показалось. Мне кажется, что нам нельзя терять времени, – я зашагал дальше.

Семенящий следом Алеша не унимался:

– У него можно было бы занять денег...

– Не факт. А что, если он хочет свернуть операцию? Вы-то сами понимаете, что этого делать нельзя и у нас каждая секунда на счету?

Алеша молча сопел, Полковника слышно не было. Только когда добрались до леса, где сразу стало спокойнее, Алеша продолжил натиск:

– А если благодетель не хочет сворачивать операцию? Справляться своими силами будет сложно, потому что ни сил, ни оружия у нас нет. Или я чего-то не знаю? Куда мы сейчас идем?

– К Спруту, – ответил я спокойно. – Алеша, тебя никто не держит, возвращайся в большой мир и живи себе счастливо.

Алеша сразу замолчал, зато заговорил Полковник:

– На какой исход переговоров ты рассчитываешь? Как я понял из вашего разговора, вы ни разу не виделись со Спрутом. Все, что мы о нем знаем, – он покалечен какой-то аномалией... Почему он должен нам помогать?

– Я не рассчитываю ни на что. Но есть надежда, она меня и ведет.

– То есть плана у нас нет, – вздохнул Алеша.

– Если переговоры закончатся ничем, возвращаемся, – сказал я. – Или... усиленно думаем. Потому что это в наших интересах. Химик и его Институт не ограничатся Зоной, Зона – испытательный полигон. Тех, кто за ним стоит, интересует большой мир.

Мы так увлеклись беседой, что, если бы не Полковник, крикнувший: «Стоять!», влезли бы в гравитационную аномалию, расположившуюся между двумя замшелыми кочками. Неподалеку загрохотал автомат, стреляли одиночными, ветер доносил забористую ругань, я различил три голоса, приложил палец к губам и попятился.

Аномалия почувствовала, что жертвы ускользают, подбросила опавшую хвою, словно приглашая поиграть. Алеша покрутил рукой перед лицом, указал направо и прошептал:

– Я видел там какое-то строение, пойдём, спрячемся, а то мало ли...

Никто не стал возражать, и мы на цыпочках, на полусогнутых добрались до деревянной избушки с проваленной крышей. Все, что от нее осталось, – две стены и гора бревен внутри. Мы спрятались за стеной, затаились с автоматами наизготовку.

Голоса прозвучали ближе, кто-то хрипло рассмеялся, между стволами замелькали силуэты. Было далеко, я насчитал пятерых, черт знает, сколько их на самом деле. Шли сталкеры неторопливо, перешучивались, слов я не разобрал – точно они не нас искали, но ощущение опасности не остав-

ляло ни на секунду.

В Зоне как – неизвестно, когда выскочит мутант или накроет всплеск, но правила одни для всех, сейчас же помимо этого всего нам угрожали еще и люди. Радовало только то, что – не все без исключения, но поди разбери, кто враг, а кто друг.

Голоса отдалились и смолкли, но мы еще минуту сидели неподвижно. Первым из укрытия вышел Полковник и побрел на север. Обернулся, подождал нас и поделился сообщениями:

– Если эта команда двигалась с севера, мы можем пойти по следам и так сэкономить время.

Мысль Алеше понравилась:

– Точно! Они сагрили на себя всех мутантов, разрядили все аномалии. Давайте не терять времени!

Нам повезло: метров пятьсот следы вели на север, а потом резко забрали на запад, и нам пришлось продираться через поле, поросшее молодым леском. Парило, как перед дождем, и спустя минуту мы взмокли. Поле оказалось заболоченным, хлюпая, мы вздымали в небо полчища комаров, которые пикировали на нас, звенели, запутавшись в волосах, набивались в нос и рот, залепляли глаза.

Они нас преследовали, пока мы не выбрались на пригорок, за которым угадывались строения дачного поселка, окруженного относительно целым жестяным забором. В одном месте лист оторвался и хлопал на ветру, аккомпанируя

свисту провисших проводов.

Дальше мы двигались вдоль забора, в любой момент ожидая атаки мутантов, но они нас не трогали. Вспомнилось, как неизвестные сталкеры по кому-то стреляли – значит, мутанты все-таки в этих краях имелись, куда ж без них.

К трем часам мы почти добрались до места и шли по дороге между частными домами. Терпеть их не могу! В любую секунду из-за накренившегося забора может выскочить мутант, а то и целая толпа. Все бы ничего, но патронов у нас – кот наплакал.

На дороге валялись свеженькие окурки, консервные банки, обертки – поселок недалеко от Периметра, сталкеры тут ходили часто, а значит, и мутанты пуганые, на целую команду напасть не рискнут. По крайней мере, днем мы в относительной безопасности.

Выгнав мысли о Химике из головы, я сосредоточился на выживании и на грядущем разговоре со Спрутом. Каждую минуту мы замирали и прислушивались, чтобы спрятаться, если заметим сталкеров, но только ветер свистел в проводах, хлопал открытыми калитками, вздыхал на чердаках.

Логово Спрута напоминало жилище средневекового рыцаря, перенесшегося в девяностые: трехметровый каменный забор из дикого камня, черная железная калитка, которую и колосс не пробьет, если будет таранить лбом. Что там, за забором, не видно, а полезешь наверх – пристрелят незваного гостя. Как, интересно, извлечь оттуда Спрута? Ни звонка

нет, ни колокола. Я шагнул к калитке и несколько раз ударил ее кулаком. Затем – ногой.

Наблюдающий за моими потугами Алеша резюмировал:

– Не услышит он тебя. Там же еще и дом... По идее должен быть.

Полковник постучал по воротам прикладом, но никто так и не вышел. И что теперь делать? Караулить Спрута возле ворот? Рано или поздно он вылезет...

– Предлагаю уходить, – напомнил о себе Алеша.

Я понимал, что он прав, но как это принять?

– Что скажешь? – обратился я к Полковнику.

– Отступление – это капитуляция, – пожал плечами он. –

Никита, ты возглавляешь команду, тебе и решать. Если говорить о моем скромном мнении, я предлагаю остаться и попытаться поговорить со стalkerами, кто-нибудь да услышит. У тебя должны были остаться старые контакты.

– Быть стalkerом опасно. Все или на том свете, или как я. И ты прав, и Алеша. Я остаюсь и попытаюсь довести дело до конца, Алеша, спасибо за помощь, к Периметру я тебя провожу, дальше наши дороги расходятся.

Негр не ожидал такого исхода, округлил глаза, открыл рот, чтобы возразить, но замер, потому что произошло дивное: за воротами затопали. Вместо ожидаемого «кого принесло?» щелкнула щеколда, и ворота приоткрылись с ржавым скрипом:

– Пригоршня заходит, остальные – ждать.

Глава 2. Химик. Результат

Вот он, волнительный момент, как когда ждешь, что тебе скажут: «привыкай к земле, у тебя рак» или «не волнуйтесь, будете жить». Результат моего многолетнего труда, артефакт, способный излечить множество людей типа меня, на которых медицина поставила крест, лежал на мраморном алтаре, пока скрытый от глаз облаком белой пыли.

Почти физически ощущалось присутствие за моей спиной Иггельда, в стальных пластинах на стене я видел его деформированное отражение.

Я не спешил хватать артефакт, ждал, когда пыль осядет и проступят очертания. Что-то коричнево-черное, похожее на изрытый бороздами камень... Нет, не камень – первобытное орудие труда, наконечник каменной стрелы, скребок. Два метра до цели, почему же я все не сдвинусь с места, словно артефакт – пугливая птица? Меня страшит возможный провал?

Иггельд шагнул ко мне, остановился рядом, чуть касаясь плечом моего плеча, замороженно уставился на алтарь. Постепенно морщины на его лице разгладились, он широко улыбнулся, хлопнул меня по спине:

– О, боги, мы сделали это! Химик! Ты представляешь? Ты спас не только себя, но и тысячи обреченных!

Иггельд шагнул к артефакту, провел над ним верещащим

счетчиком Гейгера, удовлетворенно кивнул, затем проверил прибором, о назначении которого я не догадывался, и меня посетила мысль, что Иггельд сталкивался с подобным артефактом раньше. Зону он понимал слабо, потому не может знать наперед, какими свойствами обладает арт. Сейчас же он действовал по плану.

От догадки на душе стало беспокойно, снова вспомнились слова Пригоршни, уверенного, что мы замыслили недоброе. Делиться подозрениями я не стал.

Перед тем как коснуться артефакта, Иггельд надел белый браслет, протянул мне такой же:

– Он защищает от пси-излучения.

– Пси-излучение? – спросил я, и подозрение мое усилилось.

Иггельд посмотрел пристально, показал прибор, похожий на автоматический аппарат давления:

– Фиксирует опасное излучение. – Иггельд поднес прибор к артефакту, на экране появились две красные полосы, состоящие из мигающих делений. – Видишь? Неизвестно, что будет, если дотронуться до него без защиты, потому держи.

Я взял второй браслет. Не браслет даже – белую каучуковую полосу, которая сама защелкнулась у меня на запястье, словно была живой. Не дожидаясь моих вопросов, Иггельд сказал:

– Жил-был один очень влиятельный человек, звали его... Неважно, вряд ли его имя что-то тебе скажет. У него смер-

тельно заболела дочь, и он отправился в Зону искать средство, которое ее спасет, нашел. Точнее, его нашел один очень талантливый сталкер, сделал сборку и взял артефакт руками... Никто не видел, что случилось с ним в тот момент. Он выжил, да. Но потерял себя, Зона присвоила его, дала силу, но забрала многое другое. Зовут этого человека Спрут.

Память воспроизвела в деталях образ горбуна: костистые руки до пола, выпученный глаз со зрачком во всю радужку, скрюченное тело...

– Знаю такого, – кивнул я.

Иггельд раскинул руки:

– Это все я делаю, чтобы адаптировать артефакт к нашим реалиям, чтобы он не выдохся после первого использования и никому не навредил. Ты ведь сейчас хорошо себя чувствуешь? Можешь подождать несколько дней?

Я покосился на артефакт, шагнул к нему, протянул руку в перчатке, он ожил, посветлел, задергался, как вырванное из груди сердце, борозды наполнились багряным светом.

– Зловещая штукавина, – проговорил я, руку убрал.

Даже не верится, что она способна приносить пользу. Иггельд щипцами положил его в контейнер, отдал контейнер мне:

– Отнеси в сейф, в отделение, куда мы кладем деньги.

Код знали только я и он. Проницательный Иггельд понял, что в моей душе зародились сомнения, и таким образом показал, что безгранично мне доверяет.

– Ты уверен, что все пойдет как надо, когда закончишь работу с приборами? Кстати, расскажи мне, что зачем. Например, зачем это кресло и излучатель, почему вокруг стальные пластины, как я узнаю, подействовал ли артефакт на мою болезнь.

– Сейчас никак не узнаешь, – Иггельд подошел к креслу, надавил на рычажок, и выехал приемник с углублением ровно под артефакт. – Нужно будет дождаться обострения, сейчас ты себе только навредишь. Смотри, сюда мы положим арт, и он будет подпитываться от аккумулятора, – он погладил металлический прямоугольник. – Его должно хватить на много лет.

– А излучатель? – не унимался я.

– Он генерирует энергию и передает импульс на расстояние до ста метров. Желающих исцелиться будет много, если каждого сажать в кресло, мы вообще не справимся.

– Зачем тогда оно вообще нужно? Шлем этот...

– Не нужно, ты прав, но с чего-то надо начать. Оно было изначально, потом пришло оптимальное решение. Если тебе интересны расчеты, чертежи и прочее, посмотришь в главном компе, все в открытом доступе.

Вопросов осталась масса, но я приберег их, потому что Иггельд не дурак и ответы придумал заранее. Лучше сделать вид, что я со всем согласен, всему верю, и самому провести расследование, как все обстоит на самом деле.

– Если ты не сильно устал, у меня есть пациент, на кото-

ром испытываем арт. Мартышка Ньюша. У нее опухоль мозга.

На лице Иггельда проступила скорбь.

– Ей осталось совсем немного. Вот и посмотрим.

– Да, обязательно разбуди меня.

Я ощутил себя идиотом с отвисшими от лапши ушами.

Иггельд точно знал, что получит в результате сборки, мало того, он сталкивался с такой сборкой и раньше, но в тот раз что-то пошло не так, потому он и вцепился в меня – лучшего специалиста по сборкам. И хотя мы много лет делим хлеб, посвящать меня в детали он не спешит и относится настороженно.

Или нет, или во мне проросли слова Пригоршни, которому я привык доверять? Все станет ясно после испытаний. Столько всего надо выяснить, а меня бросает из стороны в сторону.

Значит, так: сперва я приму душ, затем переоденусь, посплю часов несколько. Соберу мысли в кучу и проведу маленькое расследование, пока Иггельд готовит странные приборы. Здесь нет мощностей, чтобы собрать их, значит, где-то еще есть или лаборатория, или мастерская, или даже такой же НИИ, о котором я не знаю. Либо это сделали прямо тут... что даже более вероятно. Но тогда где-то есть тайные ярусы, и меня никто не собирается пускать туда. А где они могут быть?

Пошевелив бровями, я щелкнул пальцами. Ну да, не нужно быть гением, чтоб понять, – это под землей. Где тогда тай-

ный ход? Может, из спальни Иггельда, которая за шторкой в лаборатории? Как пикантно! Либо не там, а где-то в стороне, за пределами НИИ.

Надо отыскать его. Только это поможет во всем разобраться.

Если помыслы Иггельда чисты, вопрос: зачем скрывать-ся?

– Эээ, приятель, ты засыпаешь на ходу!

Голос Иггельда привел меня в чувство, я встрепнулся и с сожалением вспомнил былые времена, когда мог не спать сутками.

– Меня чуть не пристрелили, чуть не затоптали мутанты и не задрали шатуны, мой мозг едва не расплавился от всплеска – я выжил чудом и теперь радуюсь, что умираю медленно вместо того, чтобы умереть быстро.

Иггельд посмотрел с пониманием, и его потянуло на философию:

– Ты это брось! Ну почему настоящие люди склонны к самобичеванию? Почему именно те, у кого есть разум, накладывают на себя руки? Почему процветает биомусор, а, Химик?

– Потому что их больше, – ляпнул я первое, что в голову пришло.

– А почему их больше? Потому, Химик, что их выращивают, как скот, чтобы стричь, и никто не занимается воспитанием. Сын повторяет отца, дочь повторяет мать – чем те-

бе не круги Сансары? Больше чем уверен, что ты никогда не мусорил в парках, не бил бутылки на детских площадках. Как думаешь, если забрать детей и воспитать их правильно, будет результат?

– Будет, – кивнул я. – Но ты лучше меня знаешь, что это утопия.

Иггельд вздохнул:

– Человечество слишком незрело, большинство – это скорее особи в стаде, чем личности. Но ты только на минуточку представь, что возможно все изменить... Если стадо направить в правильную сторону.

– Об этом писано много книг, все заканчивались плохо.

Раньше я все время перебивал его и сворачивал разговор, теперь же посмотрел на Иггельда по-другому. Он не просто философствующий чудак, ему все это и правда важно.

– Можно написать так. Что все закончится хорошо.

– Смотря для кого. Для того, кого направляют насильно – вряд ли. Потому что все наши принципы, все созданное человеком – тщета. Все эти знания – всего лишь набор пред-рассудков, они даже не материальны.

Иггельд блеснул глазами и воздел перст:

– Именно! А раз так, то все легко поддается коррекции. Вот ты, Химик, привязанностей лишен, ты намеренно их избегаешь, а я привязываюсь к людям, и все сотрудники, особенно ты, все вы моя семья, и каждая потеря для меня – ножом по сердцу. Джига и Коба такие хорошие парни были,

понятливые.

Чудной! Расчувствовался так, что аж глаза увлажнились. Самое время говорить тосты и лобызаться. Чтобы хоть как-то поддержать его, я сказал:

– Здорово, что есть люди, как ты, которые хотят сделать мир лучше.

Иггельд улыбнулся одними уголками губ:

– Рад, что ты понимаешь! – Он потряс мою руку. – Иди, отдыхай, я позову тебя, когда все будет готово.

Направляясь к себе, я пытался втиснуть образ Иггельда в личину злодея, каковым его считает Пригоршня, – не получалось. Да, «молоко» походило на тот самый наркотик, вызывающий привыкание, внушаемость и быструю смерть, но Иггельд никогда бы не стал испытывать его на людях. Или на людях – не стал бы, а на биомусоре, на унтерменшах – запросто? Надо будет поднять эту тему в следующий раз.

По длинному коридору я доковылял до последней двери справа, ведущей в жилой блок, потянулся к ручке, но дверь распахнулась, и на меня вылетела Таня с подносом, где стоял чайник, две чашки и блюдце с печеньями – все это разлетелось по сторонам, галетные печенья рассыпались по полу, чайник кляцнулся о белую стенку, и по ней растеклось темное пятно. Одну чашку поймал я, вторую Таня прижала грудью к подносу. Села на корточки и принялась оттирать стену:

– Чуть тебя не затоптала... Почему, в кого я такая неук-

люжая?

– Не переживай, Иггельда не расстроит испачканная стена. Ему сейчас не до того.

– Она расстроила меня, этого достаточно. Хуже нет, когда человек собой недоволен.

Я улыбнулся своим мыслям: вот проблема у Тани! Споткнулась – ой, беда! Трагедия! Земной шар сорвался с оси и покатился.

– Между прочим, это был ваш чай! – сказала она с упреком, собрав печенья с пола.

– Поверь, мы не расстроимся. Ни я, ни Иггельд.

Жаль, что я так поздно спохватился. Нужно было раньше быть внимательнее, ведь у меня под носом происходят интересные вещи, но я стал слишком узко мыслить: все, что не имеет ко мне отношения, меня не касается. Выяснилось, что еще как касается! Иггельд работал с подобным артефактом и не сказал мне, причем тогда произошла катастрофа, знать бы какая! Он даже пытается защитить меня от артефакта. Неужели и правда привязан ко мне? Или я ему нужен как ценный специалист?

Главный вопрос, насколько прав Пригоршня. Вопрос номер два, как далеко готов пойти Иггельд и что им движет.

Я запер дверь своей квартиры... или комнаты? Снял одежду, пропахшую Зоной, шатунами, всплесками. С удовольствием принял душ и, обмотанный полотенцем, уже мечтал о мягкой чистой постели, как в дверь постучали.

– Кто? – я натянул штаны и футболку, мысленно ругая незваного гостя, ведь в мечтах я уже спал.

– Андрей, я чай принесла. Ты, наверное, проголодался в дороге.

Таня... О, господи! Неужели я настолько жалок, что вызываю желание накормить? Или у Тани включился материнский инстинкт? «Скорее, другой инстинкт», – подсказал здравый смысл.

События последних дней заставили меня переключить внимание на окружающих людей, и оказалось, что Иггельд темнит, а Таня по мне сохнет. Почему бы этим не воспользоваться? Она с удовольствием расскажет об Иггельде все, что знает.

Таня влетела слоном в посудную лавку раскрасневшаяся, смущенная, чуть не врезалась в шкаф, пришлось откидывать столик, больше похожий на барную стойку, помогать ей, снимать с подноса сперва две чашки, потом блюдо с круассанами.

– Присаживайся, – я подвинул стул-«ракушку» на длинной ножке, а сам уселся на табурет, мое скромное жилище было рассчитано на одного.

Предложением Таня воспользовалась не сразу, долго озиралась, решая, куда же приспособить поднос, пока я не забрал его и не положил на пол. Наконец она присела, шумно выдохнула и принялась теревить браслет на запястье, точно такой же, как у меня.

– Тебе не кажется, что Иггельд изменился? – проговорил я и начал жевать круассан.

Она дернула плечом:

– Нет. Почему ты спрашиваешь?

– Он что-то недоговаривает. Как будто раньше сталкивался со сборкой, которую я собрал, и, скажем так, она не вполне безопасна. Например, вот, – я погладил свой браслет. – Что он говорил, когда ты надевала это?

– Защита на всякий случай, – она уставилась на браслет, словно видела его в первый раз. – Даже не задумывалась, надо – значит, надо.

– Хммм... Он всем такие выдал?

– Не знаю. У охранника Бали видела, у Уксуса вроде нет. Все, кто к нему приходил, с браслетами, только черными.

– Так-так-так, с этого места подробнее. Кто к нему приходил?

– Сталкеры. Он их не представлял мне, закрывался с ними в лаборатории...

– Надолго?

– Когда как, я не следила. Иногда очень надолго.

– Мне кажется, что Институт больше, чем нам показывают, – предположил я.

– Не знаю даже. Один раз пришел человек... Здоровенный, стриженный налысо, весь в татуировках, и пропал. Может, я не заметила, как он выходил... Нехорошо ведь следить за человеком. Потом он явился через месяц и опять пропал

на целых три дня, выходил тоже при мне, а я и не задумалась. Ты спросил, я вспомнила. Думаешь, здесь теперь опасно?

– Не исключено. Иггельд любил тебе исповедоваться, о чем вы говорили?

Таня задумалась, свела черные брови у переносицы.

– Да как обычно, ничего интересного. О том, что какой-то ученый доказал, что человечество берет начало не в Африке, а на Алтае, что мы – изначальный народ, нам нужно вернуться к истокам, уважать свою культуру и всякое такое.

– Про другие расы что говорил? Не собирался ли стереть их с лица земли?

Ответом был заливистый смех:

– Нет, ты что! Иггельд – и кого-то убить? – она потрясла головой. – Он думает, как сделать так, чтобы всем было хорошо, чтоб прекратились войны и убийства. Он идеалист, понимаешь?

Не сказал бы, что камень свалился с плеч. По-прежнему меня использовали втемную, пусть даже без вреда и во благо, с этим надо было что-то делать.

Для начала разведать, что же он прячет, причем так, чтобы не вызвать подозрение. Если и есть тайная подземная часть Института, путь туда находится или в его лаборатории, или где-то в Зоне есть лазейка. Хорошо, я знаю, где установлены камеры, это поможет мне попасть в лабораторию незамеченным и обыскать спальню. Если ничего не найду там, прочешу окрестности в радиусе трех километров, под каж-

дый куст загляну.

– С чего ты взял, что Иггельд замыслил опасное? – нарушила молчание Таня.

Я приложил палец к губам, и она закрыла рот ладошкой.

– Этот разговор должен остаться между нами, – прошептал я. – Ты очень мне помогла, спасибо, развеяла сомнения. Понимаешь, в Зоне я встретил напарника, который стал моим врагом. Он уверен, что здесь у нас творятся страшные вещи, и всеми силами пытается нам помешать, вот я и выяснял, что именно он хочет остановить. Похоже, он заблуждается.

Говорил я то, что хотелось бы услышать Иггельду, – на случай, если тут установлены жучки. У него есть цель, идея-фикс, самые страшные люди – фанатики, они готов на все ради сверхценной идеи. Понять бы, для чего именно нужна моя сборка.

Исцеление обезьяны не вписывается в общую картину. Или и правда цель Иггельда благая? Слишком долго я прожил, слишком много всего повидал, чтобы верить в человеколюбие того, кому удалось высоко подняться. Если я ошибаюсь, то буду только счастлив и соглашусь, что иногда ошибаться приятно.

Таня расщебеталась, как воробышек во время оттепели, будто бы случайно она касалась рукой моей руки, поглаживала запястье, невольно акцентируя внимание на браслете. Я подыгрывал ей, но думал только об Институте, у меня тоже появилась сверхценная идея – выяснить, что же вокруг меня

происходит на самом деле.

Итак, сначала – проникнуть в лабораторию, когда Иггельд куда-нибудь уйдет. Камер у него там точно нет. Осталось подкараулить, когда он уйдет. Сделать это несложно, если подключиться к системе слежения, а это плевое дело...

– Андрей! – Таня щелкнула пальцами перед моим носом, я встрепенулся и понял, что она уже минуту что-то рассказывает, а я погружен в собственные мысли.

– Извини, меня выключает, – я развел руками. – Всего-то сутки не поспал! Раньше мог неделями не спать.

– И ничего ты не старей! – сказала Таня. – Извини, напросилась к уставшему человеку, я уже уйду.

Она подняла поднос, собрала посуду и направилась к выходу, довольная и сияющая.

Едва за ней закрылась дверь, вместо того чтобы спать, я включил комп, влился в домашнюю сеть и без особого напряжения подключился к системе слежения, которую уже раньше на всякий случай изучал и которая здесь была примитивной. Теперь у меня на мониторе было изображение с камер, которые в коридоре. Толстяк-кладовщик протопал к лаборатории, но ему никто не открыл, и он вернулся в свою подсобку. Браслета у него не было, как и у охранника Уксуса, а вот у Бали, который появился позже, был.

Получается, что Иггельд обезопасил браслетами тех, кем дорожит. Знать бы еще, что нам угрожает!

Только я собрался вздремнуть, как звякнул коммуникатор

и проговорил голосом Иггелда:
– Химик! Приходи, все готово.

Глава 3. Пригоршня. Двойное предательство

Есть голоса, которые серьезно не воспринимаешь, у Спрута же был голос-приговор, услышав такой, невольно цепенеешь. У меня отвисла челюсть. Отвисла и чуть не отвалилась прямо на ногу. Алеша, как и я, заозирался в поисках скрытых камер – иначе откуда Спрут узнал, что пришел именно я? Не помню, чтобы мы встречались, он не должен меня знать! Или он, помеченный Зоной, видит больше, чем простой человек? Спрашивать я не стал, обернулся к Полковнику. Лицо его осталось беспристрастным, он просто показал «ок», а вот Алеша, как я, чуть не потерял челюсть.

Я налег на ворота – они заскрипели, неохотно приоткрылись – и просочился в образовавшуюся щель, подумав, что непредусмотрительно впускать непонятно кого. Я ожидал, что меня встретит детина с двустволкой в руках. Почему именно двустволкой? Не знаю, так представилось.

– Теперь закрой, – прогудел Спрут.

Повернув голову на звук, я наконец его увидел – бугор в лохмотьях, вместо головы – горб, башка торчит влево, руки кажутся длинными, костистыми, кисти волочатся по земле, ни ствола у него нет, ни даже холодняка. Лицо пряталось в тени капюшона, деталей было не разобрать, виден только гладко выбритый подбородок и шевелящийся рот. Похож на

одного из уродцев художника, который рисовал всякую адскую жуть.

– Пригоршня пришел не просто так, – прошептал он, запрокинул голову, будто приплюхиваясь, и я рассмотрел его перекошенное лицо, крючковатый нос и выпученный глаз со зрачком во всю радужку. Здоровый глаз сфокусировался на мне, выпученный обозревал невидимые простому смертному дали.

– Говори, раз пришел. Одному из тех двоих веры нет.

– Как? Кому? Почему нет? – мысли разбежались тараканами, и я все не мог сформулировать правильный вопрос.

– Вижу большого человека, который зло. Один из двоих пока с ним.

Его речь ставила меня в тупик, пока я думал, с чего начать, просить о помощи или выяснять, кому именно веры нет – Полковнику или Алеше, Спрут продолжил:

– Слышать тебя хочу. В чем беда, зачем я тебе понадобился?

– Эээ... Химик, который работает в Институте, хочет...

– Кто-то власти хочет, кто-то – просто жить. Дело твое правое, Пригоршня, но сложно будет, ой, сложно! Многие умрут, вижу смерть на твоём плече, она ждет. Пусть они живут, Пригоршня!

– Ммм... Кто «пусть живут»? Химик?..

– Сложно будет, Пригоршня. Мало кому верить можно, а кому можно – те ненадежны, те рабы помимо воли. Говори

дальше.

Его поток бреда сбил меня с мысли, столько поначалу хотелось сказать, но теперь...

– Аэээ... Слышал от одного хорошего человека, что у тебя есть оружейня. Мне нужно оружие, чтобы противостоять Химику, который хочет сделать людей управляемыми...

Спрут потирал подбородок и раскачивался из стороны в сторону, меня он, похоже, не слушал. И зачем мы сюда приперлись? Психов, что ли, я не видел?

– Не поверят. И эти не поверят. С другими еще хуже, они опасны. Бен Ганн! Тебе нужен Бен Ганн и его группировка. – Спрут схватил меня за руку холодными скрюченными пальцами. – Я стар и немощен, прошлого не помню, мне нечем тебе помочь, а раньше знал, все помнил. Слушай внимательно. Группировка Ганна состоит из отборных головорезов, беглых осужденных, но никто из них не под влиянием. Позавчера одного из них, Крота, убил колосс, тело никто не найдет. Теперь не перебивай и запоминай, потому что я сразу же забуду. В Клине, улица Чайковского, дом шестьдесят шесть... Напротив «Пятерочки» жилой дом. Третий этаж, квартира 14, выбьешь дверь, там схрон Ганна, много всего. Скажешь, что Крот был под влиянием и сдал схрон, это их убедит... Они разозлятся и тебе помогут.

Спрут вздрогнул, словно через него пропустили разряд, его здоровый глаз приобрел осмысленность. Отпустив меня, горбун закатал рубаху и погладил белый браслет.

– Это защищает от влияния, идем, дам браслеты. Оружие найдешь сам, и дальше – сам.

Он побрел к каменному дому под бетонной крышей, который больше напоминал ДОТ.

– Спрут, – спросил я, разглядывая искалеченного человека, напоминающего паука. – Ты говорил, что нельзя верить кому-то из моих попутчиков. Кому? Откуда ты все это знаешь?

– Не знаю, просто говорю, а что говорю, сразу забываю, так что не спрашивай. Просто слушай и запоминай. Сама Зона говорит.

До оружейной мы не дошли, остановились в прихожей, где на гвозде под бивнями кабана висела связка белых браслетов. Спрут потянулся, снял их и отдал мне:

– Долго тебя ждали. Потом вернешь... если выживешь. Но не забывай, действуют они три дня и даже на того, кто под программой...

Зрачок выпученного глаза расширился, и Спрут продолжил кликушествовать:

– Не с первого раза получится, со второго – да не до конца. Много потеряешь, но большее обретешь... Может быть. Неясно. Будь осторожен, не верь никому. Ищи сталкера по имени Зяблик, он расскажет, где средоточие зла, он, как я, был там в тот раз и все видел.

Горбун со свистом выдохнул, опустил голову и указал на дверь:

– Уходи, тебе надо торопиться.

– Может, скажешь, где искать Химика?

Спрут покачал головой:

– Видения закончились. Уходи.

Похоже, он и правда видит больше обычного человека.

Я шагал первым, Спрут ковылял следом, тяжело сопя.

Упершись в ворота, я толкнул их, они заскрежетали, выпуская меня на волю из карикатурного мирка, пахнущего старьем и нафталином.

– Спасибо, – уронил я перед тем, как закрыть за собой ворота.

Полковник и Алеша сидели на корточках в тени забора. На востоке набухла фиолетовая туча, ровно над нами небо делилось на темную и синюю части. Километрах в трех от нас лило, были видны срывающиеся с облаков темные нити дождя.

– И? – Алеша поднялся и шагнул ко мне.

Кому-то из них нельзя доверять, так сказал Спрут. Или нельзя доверять Спруту? Это станет ясно, когда мы сходим по названному адресу. Если схрон там, значит, Спрут и правда пророк, а мою команду нужно менять, жаль расставаться с Полковником и Алешей, привык я к ним, но никак не выяснить, кто из них предатель, значит, ненадежны оба. И все-таки – кто?

Алеша нетерпеливо топтался на месте, как вороной конь, рвущийся в бой. Полковник, прищурившись, смотрел на ме-

ня, жевал травинку. История Алеши больше похожа на правду – парню нужны деньги. Если так, почему он не ушел, когда мы почти добрались до Периметра? Проникся? Очень вряд ли.

Полковник – темная личность. Молчалив, опытен, о боевых заслугах не распространяется, его мотивы неясны.

Может, сказать им правду и посмотреть, как они отреагируют? Нет. И так ясно, что Полковник останется непрошибаемым, Алеша занервничает. Лучше молчать, так они не думают, что их подозревают, и могут ошибиться. Как это ни прискорбно, и один, и второй мне симпатичны.

Значит, решаю проблемы по мере поступления. На самом деле идем потрошить схрон Ганна, чтобы ограбление свалить на Институт и тем самым побудить гангстеров к мести, а им я скажу другое.

– Сейчас мы идем в Клин за оружием. У Спрута там схрон. Алеша недоверчиво прищурился:

– И что, он просто так взял и дал тебе оружие?

– Почему же «дал», одолжил, а потом посоветовал, к кому обратиться.

– И к кому же?

Неужели Алеша предатель? Расскажу ему, а он сразу передаст боссу через ПДА. Вот только кто его наниматель? НИИ? Вряд ли, нас бы уже прихлопнули. Пока ничего на ум не приходило.

– Вуд много рассказывал о Спруте, когда ты звонил, – про-

говорил Полковник, поднимаясь. – Что к нему многие ходят, чтобы узнать свою судьбу, но он не каждому открывает. Неужели это правда?

– В Зоне все правда и все иллюзия, – пространно ответил я словами Химика. – Давайте пойдем в Клин, поищем схрон, тем более, тут недалеко.

Никто не стал противоречить и даже требовать конкретики.

Места эти были хоженными, о чем говорили многочисленные окурки на асфальте, целлофановые пакеты и неприличные надписи на облезлых каменных заборах. Первым вызвался идти Полковник, я топал в середине. Движения Полковника были точными, экономными, вскоре я позволил себе отвлечься и подумать о том, как жить дальше.

Если слова Спрута окажутся правдой, схрон будет на месте, то можно действовать по предложенной схеме. Мы грабим схрон и прячем оружие, а говорим, что это сделал Химик. Как он узнал, где именно схрон? Очень просто! У него есть вещество, с помощью которого можно разговорить любого человека. Химик опоил покойного гангстера, и он сдал схрон. Химик его нашел и перенес награбленное в Институт. Это должно разозлить отморозков... ну, по крайней мере, я на это очень надеюсь, и они согласятся мне помочь и вернуть награбленное.

А если не согласятся? Если вообще мне не поверят? Тогда придется рассказывать правду... Хотя нет. Расскажу, что я

в курсе о страшной тайне Института, и теперь меня хотят убить. Только они могут мне помочь.

Зачем им это? Затем, чтобы вернуть награбленное и отомстить за убитого – во-первых. Во-вторых, Институт вот-вот применит артефакт, который всех сделает управляемыми. Логично? Как бы да. Сработает? Время покажет.

Вдалеке появились многоэтажки, нагретая солнцем земля паровала, и они казались расплывчатыми миражами, гостями из чуждого мира людей. Над лесом громыхала гроза, тянуло сыростью, на западе синело небо, а над нами раскинулась радуга, разноцветным мостом соединяя два мира.

Дорогу нам преградил бетонный забор, огораживающий какое-то предприятие или склад, мы двинулись вдоль него, пренебрегая многочисленным лазами, которые пробили мародеры, еще когда Зона только появилась. Склады, само собой, разграбили, вынесли все, что плохо лежит. Потом большую часть мародеров тоже вынесли – вперед ногами, кто-то сгинул без вести, кого-то задрали мутанты.

За огороженной территорией находилась некогда оживленная трасса, соединяющая Москву и Питер, теперь заваленная скелетами выпотрошенных машин. Здесь радиация легла пятнами, и я включил счетчик Гейгера. Спасибо, что Химик забрал у нас только оружие...

А ведь когда Химик сбежал, дежурил Алеша! Неужели он его и отпустил? Значит, он работает на НИИ! Но почему, черт побери, я еще жив?

Или это Полковник решил подставить младшего товарища, чтобы отвести подозрение от себя? Очень напоминает детскую игру, которая называется «Мафия», когда из множества играющих один – так называемая мафия, и нужно всех убедить, что это не так. У меня никогда не получалось, меня рассекречивали почти сразу.

И все-таки – Алеша или Полковник?

Между двумя заборами, каменным и решетчатым, был лаз, и мы друг за другом направились туда. Полковник замер внезапно – я чуть не врезался в его рюкзак, поднял руку. За его плечом, впереди, там, где трасса, я сперва заметил подозрительное движение, а когда встал на цыпочки, разглядел колонну военной техники, беззвучно движущуюся на север.

Машины были вполне реальными – КраЗы, «уралы», какие-то остроносые машины с локаторами и предположительно – ракетами.

До трассы оставалось метров сто, я предложил выбираться из западни, потому что здесь было опасно, если кто-то упадет.

Мы подошли к насыпи, на всякий случай я присмотрел дыру в решетчатом заборе – а вдруг придется бежать? Машины все шли и шли, военные в кузовах смотрели сквозь нас, перешучивались, но большинство сидело неподвижно, с автоматами на коленях.

– Как настоящие, – шепотом выдохнул Алеша.

– Клин населен призраками, которые вроде как неопас-

ны, – объяснил я. – Эта колонна существовала. Ее отправили исследовать Зону. Все эти люди и машины исчезли.

– Куда?

– Попали в пространственный пузырь. Может, оказались в другом мире, нас с Химиком как-то занесло в такой. Может, до сих пор блуждают в безвременье...

– Они живы? – спросил Полковник.

– Может, да, но скорее нет.

Мы остановились, потому что в Зоне есть одно правило: видишь что-то подозрительное – не лезь. Мало ли что случится, вдруг нас затянет туда, куда затянуло их, тогда пополним и мы ряды молчаливых призраков.

Колонну завершил БТР, и трасса опустела, но ступать на нее было боязно, и мы топтались на месте. Самым решительным оказался Полковник, поднялся по насыпи, заросшей бурьяном и, прежде чем переступить через отбойник, проверил дорогу гайками.

– Пространственные аномалии можно выявить, только вляпавшись в них. У некоторых, например у Химики, есть чутье, – сказал я и взобрался к нему наверх, где мы долго бок о бок смотрели на пустую замусоренную трассу, по которой ветер гнал целлофановый пакет, и в царящем беззвучии шелест казался грохотом.

Как по команде все мы достали ПДА. Я – чтобы посмотреть карту, остальные – либо за тем же, либо чтобы связаться с неизвестным Большим Человеком. За дорогой толпились

высотки, теснились, наползали одна на другую, чтобы увидеть незваных гостей.

Я бывал здесь и знал, что эти высотки набиты призраками, как весенняя рыба – икрой. У них своя жизнь, они не подзревают, что мир уже не тот, кто-то садится обедать, кто-то спешит на перерыв...

Полковник молча перекинул ногу через отбойник, обернулся:

– Если вдруг что-то случится...

Я молча кивнул и на всякий случай схватился за автомат.

Алеша шумно дышал позади, с треском отдирав колючки от одежды. Полковник встал на асфальт, сделал несколько шагов к ржавому скелету «жигулей» на спущенных колесах. Ничего не случилось, кроме того, что затрещал счетчик Гейгера, когда я тоже ступил на асфальт.

– Фонит, – я указал на машину. – Надо скорее отсюда убираться.

Фонил не только металл, но и все место, пока мы не добежали до разросшихся кустов на подходе к домам. Алеша достал шкалик водки и приложился к горлышку – кадык его задергался.

– Не бойся, – успокоил я. – Не так страшна радиация! Мужской силе она не угрожает, можешь поверить! У меня двое здоровых детей...

При мыслях о семье сделалось кисло. Как они там? Наверное, уже обустроились, Олеся пишет мне... Или не пишет,

она понимает, где я, и наверняка волнуется. Другая бы весь мозг выела, но у меня золотая понимающая жена. Вот я бы ни за что не отпустил ее в опасное место одну, даже когда она отправлялась на девичник, я с ума сходил, вдруг кто обидит?

Полковник сверился с картой:

– Улица Чайковского, это как раз дома возле нас... Точнее, один дом, этот. Шестьдесят второй дом, первый корпус. Нам что нужно?

– Шестьдесят шестой, – ответил я. – Четырнадцатая квартира, третий этаж.

Полковник махнул налево:

– Это метров двести отсюда. Длинный дом, что стоит вдоль дороги.

Алеша напряженно озирался по сторонам.

– Тут не опасно? Чувство, что за тобой наблюдают.

– Мутантов здесь нет, не знаю почему, – ответил я, направляясь по тротуару, местами присыпанному землей и стеблями прошлогодней травы. – Если увидишь людей, они не настоящие, это призраки. На живых не нападают, по крайней мере днем. Для нас опасны только сталкеры. Если человек в камуфляже и с автоматом, это предполагаемый враг.

– Если нет даже мутантов, значит, тут среда вообще для жизни непригодная, – сострил Алеша.

Тротуар вел вдоль трассы. Разросшийся бурьян и молодые вишни прятали от наших глаз дорогу с остовами машин. Первый этаж жилого дома полностью переоборудовали, и мы

наблюдали за своими отражениями в витринах.

– Смотри, – прошептал Алеша, указывая на пластиковую помутневшую от времени остановку.

Там к нам спиной сидела девушка с розовыми волосами, забранными в хвост, в коротеньких шортах, из ушей к телефону тянулись проводки наушников, она покачивалась в такт мелодии и поглядывала на дорогу. Когда девчонка поворачивалась, блестела серьга в проколоте носу.

К девушке-призраку вразвалку, как утка, приковыляла толстая тетка с огромными пакетами, поставила их, покосилась на девушку.

– Как настоящие, – проговорил Полковник шепотом.

Алеша любопытствовал:

– Что будет, если их потрогать? Рука пройдет насквозь?

– Попробуй, – сказал я и зашагал дальше. – Мы их еще встретим, лучше не отвлекаться.

– Эй, на остановке! – крикнул Алеша, замахал руками, но ожидающие автобус не обратили на него внимания.

Нужный нам дом был последним на улице, дальше началась промзона, и таким длинным, что конца и края не видно. Хорошо, нумерация подъездов начиналась с нашей стороны, далеко плестись не придется, надо только обойти здание. Не нравилось мне блуждать в городе-призраке, где непонятно, что тебя ждет. Это я неправ, вроде как понятно – никто не набросится, не сожрет, но все равно неприятно, напряжение выматывает.

Подъезд встретил нас вырванной с мясом дверью. Сквозь деревянную скамейку, где когда-то гнездились старушки, проросла трава. Детскую площадку усеивали брошенные игрушки. Говорят, люди отсюда исчезли, как по щелчку, но появились призраки. Родственники пробивались сюда, искали среди них близких, но безрезультатно.

Говорят, квартиры на верхних этажах нетронуты, в отличие от нижних, где порезвились мародеры. Пока военные не сообразили, что произошло, и не оцепили Зону, сюда ринулись все, кто не брезговал. Тащили технику, золото, потрошили тайники с деньгами, разбирали на запчасти машины.

Громяхая подошвами по металлу брошенной на землю двери, мы направились в подъезд, и эхо шагов заметалось внутри пустого коридора.

Вот опустевший уголок консьержки с телевизором на стене и плакатом какого-то певца в розовом пиджаке и блестящих синих штанах. Только мы собрались подниматься по ступенькам, как вверху гроыхнул лифт, вздохнул, размыкая створки, и снова воцарилось беззвучие. Я вздрогнул, прицелился в темный лестничный проем.

– Это что? – еле слышно прошептал Алеша.

Я пожал плечами:

– Не знаю, но мне это не нравится, предлагаю побыстрее убираться.

Четырнадцатая квартира оказалась не на втором этаже, а на четвертом. Вдруг Спрут – обычный псих, а не пророк?

Тогда придется распрощаться с замечательным планом, который уже зрел в моей голове.

Я подергал ручку – дверь щелкнула и распахнулась. Помнится, Спрут предлагал ее выбить. Второе несовпадение. Мы переступили порог и очутились в тесной прихожей. Пол усеивали вываленные вещи – кто-то давным-давно квартиру обыскал, выпотрошил ящики комодов, опустошил полки.

Это была однушка. У стены стояла кровать на полкомнаты. Если и есть где-то схрон, так в шкафу-купе, больше никуда оружие не влезет. Я зашагал к шкафу, потянул в сторону дверцу. И она отвалилась, открыв взору вешалки с одеждой и пустые полки. Алеша встал на четвереньки, похлопал вещи, выбивая облако пыли, и покачал головой.

– Пусто.

В кухне, под кроватью, на антресолях тоже было пусто. В кухне обнаружилась мумия издохшего от голода кота. Вскипела злость, и я пнул комод, который с грохотом развалился. Вот тебе и схрон! Вот тебе и Бен Ганн! Где, блин, справедливость?

Сжав виски, я плюхнулся на кровать и принялся лихорадочно думать, но ничего стоящего на ум не приходило. Алеша и Полковник, опершись о стену, смотрели с сочувствием и ждали дальнейших распоряжений.

Я закрыл глаза, и из черноты выплыла картинка: дверь с трехзначной цифрой: сто сорок сколько-то, последнее число замазано красной краской. Молча я выскочил из квартиры в

подъезд и оторопел, прицелился в молодого мужчину. В одной руке он держал сигарету, во второй – консервную банку из-под оливок, куда стряхивал пепел. Он даже голову не повернул на хлопок двери, продолжал смотреть в грязное окно, а из ноздрей тянулись белые нитки дыма.

– Ты куда лома... – Алеша подавился словами, увидев курильщика и не удержался – с ходу выстрелил одиночным.

Пуля прошла насквозь и застряла в стене.

– Расходуй патроны экономно, – посоветовал Полковник, казалось, он не замечал курильщика, направился к лестнице, едва не задев его рукавом, мы поспешили за ним.

На улице я включил ПДА с картой. За длинным домом находились второй, третий и четвертый корпуса.

– Ты куда ломанулся? – закончил вопрос Алеша.

Я улыбнулся и объяснил:

– Спрут видит картинки и комментирует их. Квартира может быть не четырнадцатая, а сто сорок какая-то. Теперь нужно проверить сто сороковые квартиры на вторых этажах.

– Как бы логично, но верится с трудом, – проговорил Алеша и потопал за мной.

Шансов на успех было мало, но пока оставалась надежда, и за нее я отдам полжизни.

В первом корпусе сто сороковые квартиры находились в третьем подъезде на шестом этаже. Обыск ничего не дал, пришлось перемещаться к второму корпусу. Дом этот состоял из основной длинной части и двух пристроек, соединен-

ных с ней перемычками.

Мною двигало отчаянье и злость, нежелание мириться с тем, что надежда, которая только была в руках, выскользнула. Мы поднялись на третий этаж, обыскали квартиры со сто сороковой по сто сорок девятую, но не нашли ничего интересного, кроме набора серебряных украшений, который забрал себе Алеша.

Взбешенный результатом, я ударил дверь, зашипел от боли в костяшках. А еще жутко раздражал скепсис на лице Алеши, весь его вид говорил: «Так я и знал! Все напрасно, пойдем уже домой». Сжав зубы, я сбежал по лестнице и зашагал к третьему корпусу.

Сто сороковая квартира находилась на первом этаже, тут в подъезде было всего по три квартиры. Нулевая, первая, вторая – ожидаемо пусты. Уже не веря в удачу, я поднялся на второй этаж, отдышался. Запыхался я больше от злости.

– Давай, как я еще тогда предложил, – сказал Алеша. – Каждый обыскивает по квартире, все равно мутантов тут нет. Или ты нам перестал доверять?

– Как я сказал, так и будет: работаем вместе. Это Зона, мало ли что случится.

Две квартиры были открытыми – кто-то поработал тут отмычкой еще до нас. А вот третья, за бронедверью, – запертой, ее мы оставили на потом, обыскали трешку, вскрыв китайскую жестяную дверь ножом, и остановились перед запертой.

– Не вижу смысла тратить время, – сказал Алеша.

Полковник не разделял его скепсис, похлопал по металлу и проговорил:

– Кто бы ни жил там, ему было что прятать. Алеша, ты уже понял, что пока Пригоршне нечем с нами расплатиться, придется довольствоваться авансом, но даже если там нет оружия, наверняка найдется золото или тайник с деньгами.

Алеша пнул дверь:

– И как мы туда попадем? Дверь не выбить, проще взорвать.

– Через окно можно, – предложил я.

– Предположим, схрон там, – начал рассуждать вслух Полковник. – Значит, у каждого должен быть ключ, так, Пригоршня? Или нет?

– Обычно бункеры всегда на замке, – продолжил его мысль я. – А ключ кладут неподалеку, чтоб любой мог им воспользоваться... Ключ где-то рядом! Ищите!

Я обыскал все стены, тумбочки в квартирах, на гвоздике возле зеркала обнаружил связку ключей. Возликовал, но ни один ключ не подошел. Полковник перевернул банку-пепельницу с плесневелыми окурками, и на пол со звоном выпал один-единственный ключ.

Во рту пересохло. Сердце затарабанило, как перед важным событием. Непослушными пальцами я поднял ключ – большой, медный, – вставил его в замочную скважину... Подошел! Щелк, щелк! Дверь подалась навстречу, я взялся за

ручку и отметил, что она чистая, без пыли, как многие другие. Потянул на себя, миновал прихожую, где все оставалось так, словно хозяева вот-вот должны вернуться...

Так, да не так: на крючках в прихожей – камуфляжные куртки зимние, осенние и даже маскхалат. Обувь почти новая разных размеров, резиновые сапоги и резиновые штаны на подтяжках. Я прошествовал в просторную залу, огромную, с деревянной мебелью под старину. На диване лежали коробки, возле стояли закрытые сумки.

– Наконец-то! – радостно выдохнул я, зашагал к дивану, открыл короб и присвистнул: там были патроны под АК и «глок». В сумках – патроны к подствольникам. В двух других коробках – разнокалиберные патроны, в третьей – трассеры и для снайперки.

– Надо же, – Алеша сел на корточки и принялся перебирать разнокалиберные патроны, а я и Полковник направились во вторую комнату.

Я открыл дверь, и пахнуло оружейной смазкой. Чего тут только не было! Автоматы и винтовки лежали на полу – выбирай на свой вкус! Стояли, прислоненные к стенам, виднелись в распахнутом шкафу.

За моей спиной присвистнул Полковник:

– Неплохо. Кому принадлежит этот схрон?

– Банде головорезов. Берем столько оружия, сколько унесем. Часть прячем, часть берем себе.

По узкой дорожке между кучами стволов я прошел к шка-

фу, полагая, что самое интересное там, заглянул внутрь: нет, все то же самое, ничего изысканного. В комодке обнаружился склад ножей. Все однотипные: или складни, или тесаки типа боуи, ни одного кортика!

В нижнем ящике – коллиматорные прицелы, бинокли.

Какой, однако, консерватор этот Бен Ганн! Хотя я был с ним солидарен: чем проще механизм, тем он надежнее и тем проще достать патроны. Помимо АК с укороченным стволом я решил выбрать себе снайперку – если не удастся Институт взять штурмом, я гадов по одному постреляю, – но осмотр показал, что тут в основном эсвэдэхи, которые я не любил за бестолковость. Возле шкафа обнаружилась пара снайперок «баррет», которыми разве что вертолеты сбивать и колоссов валить. А что там в чехле за компьютерным столом? Явно что-то интересное отложено!

Предчувствия меня не обманули. Кто-то припрятал себе снайперку Assauly International L96A1. Это не винтовка, это просто песня! Я погладил гладкий, будто игрушечный ствол. Новенькая! Такая десятку евро точно стоит. Правда, патроны для нее достать будет сложно, но раз она тут есть, значит, где-то есть и патроны. Мне главное Химику пристрелить, а потом винтовку продать.

Патроны нашлись в двух коробках за комодом, одна была полной, в другой – всего шесть штук. Ничего, и этого хватит. Я расчехлил винтовку, словно тело любимой женщины, любовно ощупал каждую деталь, собрал ее, глянул в прицел. И

снова – ощущение настоящей жизни, которая переполняет, бьет через край. Я на своем месте, я снова живой! Ночной хищник, караулящий жертву, летящая в висок врага пуля.

Никого не замечая, я зарядил винтовку, подошел к окну и обозначил цель: середина бокового зеркала легковушки на дороге, отсюда это метров пятьсот. Уперся в подоконник, прицелился, нажал на спусковой крючок – хлоп! Легкий толчок отдачи и дырка в середине зеркальца, от которой в стороны разбегались трещины.

– Все хорошо, – вслух подумал я и повернулся к напарникам.

– Что дальше? – мрачно спросил Алеша.

– Тебе домой, а у меня есть план. Извините, мужики, но вас я в это втягивать не хочу – живите дальше. Это моя война, а не ваша.

Алеша наградил Полковника долгим взглядом, посмотрел на меня так, словно бросал вызов, вздохнул и помотал головой. Я продолжил:

– Идем в «Титаник», ночуем, я выясняю кое-что у Вуда, а дальше я сам по себе, вы сами по себе. Оружие продадите, считайте, что я вам заплатил, стоит оно все равно дороже, чем я обещал.

Кинув на Полковника быстрый взгляд, Алеша сказал:

– Никто не возражает, если я поговорю с Пригоршней тетя-тет?

Полковник пожал плечами и склонился над автоматами.

Это что еще за номер? Алеша поймал Полковника на горячем и хочет мне сдать? Или хочет просто перевести стрелки?

На лестничной клетке он воровато огляделся, достал из кармана куртки ПДА и молча передал мне. В открытом месенджере я прочитал: *«В случае отказа вернуться, ликвидировать»*, – писал некто УП. С полминуты я смотрел на фразу непонимающе, потом до меня дошло, что можно прочесть весь диалог:

AleXX: *«Похоже, у нашего друга есть план, как заполнить артефакт. Не преждевременно ли решение покинуть Зону?»*

УП: *«Твоя роль – выполнять приказы, вот и выполняй. Жди распоряжений»*.

Это было утреннее сообщение, десять минут назад Алеша написал таинственному собеседнику.

УП: *«Есть новости?»*

AleXX: *«Пока никаких. Он сомневается. Жду решения»*.

УП: *«При отказе покинуть Зону – ликвидировать и его, и напарника. Конец связи»*.

Получается, Алеша и есть стукач? Ну да, он освободил Химику по приказу, а теперь должен ликвидировать меня? Почему же я до сих пор жив? Кто его собеседник? Хозяин Химики? Собираясь с мыслями, я переводил взгляд с экрана на Алешу, который топтался на месте и кусал губу. Первым заговорил он, поднял руки и прошептал:

– На твоём месте я бы выстрелил и был бы прав.

– Хорошая мысль, – в руках у меня была только снайперка, и я прицелился в него. – Но прежде расскажи, зачем ты показал это мне? Теперь второй вопрос, на кого ты работаешь?

Алеша криво усмехнулся, завел руки за спину и качнулся с пятки на носок.

– Можно начать со второго? Сам-то как думаешь? – Ответа он дожидаться не стал. – Меня завербовал человек, фамилию которого я не знал, предложил следить за тобой, помогать тебе при необходимости и держать его в курсе. Как бы ничего предосудительного, правда?

– Химика ты отпустил?

– По приказу, – Алеша развел руками. – У меня там мать и младшая сестра. Я не сразу согласился, но, когда пошли угрозы, понял, что вляпался по самые уши. У самого-то есть предположение, кто за всем этим стоит?

Я молча кивнул, подумал немного и ответил:

– Его фамилия Литвинов, он начальник службы безопасности одной влиятельной партии, той самой, где состою я. Он финансировал экспедицию, чтобы заполучить артефакт, а потом, видимо, договорился с человеком, против которого работал, это его непосредственный начальник, и я перестал быть ему нужным.

– Насколько он влиятельный? – спросил Алеша обреченно и добавил: – Я не убийца и на такое не подписывался.

– Бывший особист. Пиши, что берешься прикончить ме-

ня, и прячься. Пусть думает, что тебе не удалось и ты погиб. Через месяца два, когда о тебе забудут, появишься. Ты не настолько большого полета птица, чтоб из-за тебя убивать других людей, так что вряд ли твоей семье что-то угрожает.

Алеша поступил как мужик, я опустил ствол. Никто не заставлял его оправдываться, смотреть мне в глаза, но он пошел сложным путем, предупредил, рискуя жизнью, между прочим. Убить его все еще хотелось, но я сдержался.

– Я стучать-то взялся только потому, что думал, в этом моя помощь хорошим людям. Ничего предосудительного! – Он развел руками, покосился на дверь. – Полковнику не говори. Хотелось бы с тобой дальше, но понимаю, что утратил доверие.

– Ты правильно поступил, не каждый так смог бы. Если хочешь с нами – пожалуйста. Но помни, что наши шансы тридцать против семидесяти, тебе оно надо? Ладно я. Мне деваться некуда... – и тут меня пронзило понимание, что моя семья – под присмотром Литвинова, и с этим надо что-то делать! Телефон точно на прослушке, от него надо избавляться. В идеале привязать бы его к кабану, и пусть Литвинов гоняет мутанта по Зоне.

Я замолчал, уставился в точку на стене и перестал замечать происходящее.

– Эй! – Алеша щелкнул пальцами перед моим носом. – Что?

Помотав головой, я принялся ходить взад-вперед по подь-

езду. По-хорошему, мне надо бросать все и лететь в Крым спасать Лесю, но тогда не получится остановить Химика...

Табишев! В Крыму есть Табишев, который служил со мной в ВДВ, а потом – пару лет в органах, он никакого отношения к партии не имеет! Мы три года не виделись, но он все время звонит, в гости зовет. Если объяснить все, он с радостью поможет перепрятать Олесю. Как с ним связаться?

Задумчивый Алеша потирал подбородок, думал. Я ему подсказал, как поступить:

– Напиши Литвинову, что ты не подписывался на убийство и хочешь за это много денег.

– А если он откажется?

– Даже если запросишь миллиард, согласится. Правда, потом тебя найдут с дыркой в голове... Теперь тебя в любом случае попытаются убрать. Если бы ты меня прикончил, тебя бы это не спасло.

– В том-то и дело, – вздохнул негр, отвернулся и принялся строчить послания, а я задумался о том, где же взять телефон, чтоб связаться с Табишевым.

Он парень толковый, сделает все как надо. Купить новый телефон? Попросить у Вуда? Тогда я его подставлю. Забрать у слабого? Такой пустяк, и ничего не приходило на ум. Ничего, и за эти переживания ты, Химик, мне заплатишь! Попытаюсь убить тебя медленно.

Алеша хмыкнул, развернулся, криво улыбаясь:

– Ты прав. Он, почти не торгуясь, согласился на кучу де-

нег.

– Нанять киллера не так уж дорого. Дороже заплатить киллеру, который убьет киллера.

Захотелось зло рассмеяться, но я сдержался. До чего же простой и понятной жизнь была раньше, до проклятой политики! Теперь крутись ужом на сковородке. Правильно говорят, что бизнесмены поднимаются, а политики – всплывают. Я всплыл, а теперь тону, значит ли это, что я не совсем дерьмо?

В дверь из квартиры постучали, Полковник осторожно спросил:

– Вы закончили? Напоминаю, что мы ограничены во времени.

– Закончили, – ответил Алеша.

За что уважаю Полковника – он не болтает лишнего, понимает, что если надо будет, расскажут, а если нет, значит, это его не касается.

– Берем оружие и уходим.

Подумав немного, я рассказал им, чем со мной поделился Спрут: все выяснилось, подозревать больше некого, мы теперь хорошо сработанная команда. Осталось свалить ограбление на Химику и убедить Ганна, что ему очень нужно уничтожить Институт. Тогда он поможет нам, и есть надежда выиграть в этой схватке.

Поскольку ночью выдвигаться бессмысленно, мы решили скоротать вечер у Вуда.

Глава 4. Химик. Испытание

В лаборатории бесновалась распятая на кушетке мартышка, на нее был нацелен излучатель. Я протянул контейнер с артефактом, Иггельд забрал его щипцами, положил в выехавшее из кресла отделение, как компакт-диск – в приемник, толкнул его, и он с едва заметным щелчком занял свое место.

– Готово, – прошептал Иггельд, погладил кресло и сжал кулак.

Иг побледнел и казался пятидесятилетним, волосы растрепались, глаза сияли лихорадочным блеском – да он волнуется больше меня! Непослушными пальцами Иггельд снял защитный браслет, шумно сглотнул слюну.

– Твой пусть будет на месте, – сказал он, не глядя на меня, сел в кресло, положил руки на подлокотники и обхватил их.

С тихим шелестом шевельнулся шлем наподобие мотоциклетного, опустился ему на голову, закрыв глаза и до середины – нос.

Иггельд нажимал кнопки на подлокотнике, и происходило непонятное мне беззвучное действие. Вспыхивали и гасли кнопки на табло, излучатель оживал, начинал вибрировать, и опять замирал. Мартышка, пытавшаяся порвать путы, заверещала и притихла, разинув пасть, она с ужасом взидала на пульсирующее над ней стальное чудовище, ждала, когда

оно начнет ее есть.

Я напрягся в ожидании, думалось, вот-вот случится что-то неординарное, что, я и сам не знал, но время будто замерло, солидарное с несчастной мартышкой.

Замер излучатель, шлем поехал вверх и закрепился на отведенном месте в десятке сантиметров над головой Иггельда, который бездумно смотрел перед собой. Пряди волос прилипли к вспотевшему лбу, губы его беззвучно шевелились.

С минуту он «зависал», потом скользнул по мне взглядом и сфокусировал его на притихшей мартышке. Ощувив его внимание, она завопила, забилась с удвоенной силой. Иггельд встал, потопал к обезьяне, положил руку ей на лоб и, поглаживая ее голову, проговорил:

– Нюша, тихо, тихо, успокойся, все хорошо.

Мартышка замерла и закрыла глаза, а Иггельд покатила кушетку из лаборатории в медблок, где имелся аппарат МРТ. Отвязал послушную обезьяну, положил на стол, застеленный синей клеенкой:

– Лежи тихо, сейчас посмотрим, будешь ли ты жить.

МРТ всегда напоминал мне гибрид сканера и «чужого». Он зажужжал, Иггельд оставил обезьяну и побежал к монитору, а я сменил его и собрался поддержать мартышку, но она лежала неподвижно, как примерный больной.

– Иди-ка сюда, – позвал Иггельд. – Не беспокойся, Нюша будет в прострации еще минут пятнадцать.

На экране в двух окнах было изображение обезьянней головы, просматривались кости черепа и его содержимое, пятно возле, если я не ошибаюсь, мозжечка. На обоих изображениях пятно было одинакового размера. Иггельд молча ткнул в экран, я все понял без слов и проговорил:

– Думаешь, опухоль должна исчезнуть сразу? Может, должно пройти несколько дней?

– Наверное, да, – кивнул Иггельд. – Завтра посмотрим еще раз.

Я так устал, что фиаско меня даже не расстроило. Огорчусь завтра, когда на это будут силы. Иггельд взял мартышку на руки и понес в лабораторию, нашептывая ей слова утешения, словно обезьяна их понимала. Меня бы лучше пожалел, потому что если ничего не получится, то жить мне осталось всего ничего.

* * *

Проснулся я с совершенно пустой головой. Вчерашний день, поход в Зону за «живицей» казался мне минувшим кошмаром. Часы показывали девять утра, здесь, под землей, запросто можно было поменять день и ночь местами.

Умывшись и заварив чай, я включил компьютер, открыл вкладку, где просматривались изображения с камер слежения. На входе сегодня дежурил Укусус, уткнувшийся в планшет. Уборщик Кулер, пацан-беспризорник с усохшей левой

рукой, елозил тряпкой по полу, выпрямился, приспособил тряпку на швабру и продолжил уборку. Браслета у Кулера не было. Значит ли это, что Иггельд им не дорожит?

Дел было по горло, а сил... Я прислушался к себе и понял, что их едва хватит, чтоб согнать себя с кровати.

Первым делом нужно проверить, как поживает мартышка, есть ли положительная динамика. Затем улучшить момент, когда Иггельд покинет лабораторию, и поискать, есть ли в его спальне лаз в тайную часть подземного Института.

Если я его не обнаружу – найти предлог, чтобы подняться на поверхность и поискать вход там. При его отсутствии – успокоиться и заниматься здоровьем.

Я переключался с камеры на камеру и снова вернулся к той, что снимает КПП. На стенке возле входа – книжная полка. Иггельд пытался сделать из охранников людей и приучить их к чтению, получилось только с Бали: два раза он брал книги...

Артефакт! Черт, совсем забыл о нем! Когда возвращался из Зоны, я не знал, можно ли доверять Иггельду, и спрятал между книгами «отвертку» – артефакт, ускоряющий время. Он может очень пригодиться! Доев вчерашний круассан, я направился к КПП, в коридоре поздоровался с Кулером, поприветствовал скучающего Уксуса, который сразу же начал жаловаться на жизнь. Уксусом его прозвали за вечно кислое лицо. Слушая, как он устал, я достал «Трех товарищей» Ремарка и незаметно – припрятанный между книгами арте-

факт, ускоряющий время, сунул его в контейнер, спрятанный в огромном кармане спортивных штанов.

– Отличная книга. Не возражаешь, если возьму ее перечитать? Сто лет бумажных книг не читал, хочется вернуться в детство.

– Да пожалуйста, – пожал плечами Уксус.

– Доброе утро! – радостно проговорил за нашими спинами Иггельд, шагающий к выходу, увидел в моих руках книгу, вскинул бровь.

Я стяхнул пыль с переплета:

– Захотелось перечитать.

– А почему именно Ремарка?

– Наверное, потому же иногда хочется сладкое, а иногда – горькое. Я читал эту вещь в семнадцать, интересно проверить, как изменилось мировосприятие. А ты куда собрался? Надеюсь, ненадолго? Нам же еще Ньюшу проверять. Не хотелось бы откладывать до вечера. Кстати, как она?

– Жива. Не могу понять одного, она спокойна или заторможена. Ориентируйся на половину одиннадцатого, я знаю, как для тебя это важно.

– Согласен. У меня встреча в «Трех поросятах», нужно со сталкерами договориться о поставках продовольствия, это займет час, не дольше.

Какая удача! Он покидает насиженное место! Даже следить не надо! Значит, прямо сейчас отправлюсь в лабораторию, а если кто зайдет, скажу, что мысль о подопытной обе-

зьяне не давала мне спать, и я пришел проведать Ньюшу. Вернувшись к себе, удаляю запись с камер, что в коридоре.

– Удачи! – пожелал я удаляющемуся Иггельду, попрощался с Уксусом, расстроенным из-за того, что некому жаловаться на трудную судьбу.

По коридору я направился к лаборатории, открыл дверь, и в нос ударил дух нечищенных клеток – Кулер еще не помыл клетки лабораторных животных. Странный контраст: стерильная комната с футуристическим креслом, столом-алтарем и – вопящая безмозглая братия.

Из лаборатории неторопливо вышел рыжий кот Сова, направился ко мне с целью получить порцию любви и ласки, я переступил через него, миновал первое помещение, направился во второе, куда Иггельд переместил животных, с треском отодвинул шторку, отделяющую спальню Иггельда от основной части лаборатории.

Тут царил идеальный порядок: вещи разложены по полкам, микросхемы – проводок к проводку, все подписано, паяльник на подставке, дальше – сейф, куда же без него, платяной шкаф, стена со встроенным пустым компьютерным столом.

Кровати нет. Значит, Иггельд ночует не здесь, а в тайном помещении. Странно, что он оставляет лабораторию незапертой, я бы на его месте повесил кодовый замок. Дверь в Нарнию, наверное, где-то за стеной. Мне точно нужно найти тайные ярусы Института! Есть, конечно, шанс на то, что

их не существует, но почему-то теперь у меня была уверенность, что они есть. Интуиция, мать ее. Зона очень способствует ее развитию.

Я принялся ее обшаривать, чтобы понять, где же кнопка, которая заставит стену повернуться внутрь, как в старых шпионских фильмах. Нашел я не кнопку, а настоящую лебедку за шкафом. На табло – две кнопки, красная и черная. С замирающим сердцем я надавил на красную, и лебедку в движение привел моторчик, стол сложился и втянулся в стену, она зашевелилась, и меня чуть не придавило кроватью, которая на тросах едва не выпала на голову из стены. В помещении сразу стало тесно.

Вот же черт! Надо срочно вернуть ее на место!

Или мне показалось, или в лаборатории кто-то заговорил. Вот будет мне, если сейчас сюда заявится Иггельд! Тогда я лишусь его доверия, хорошо, если он просто выгонит меня отсюда, гораздо хуже, если отправит на эксперименты в тайную часть НИИ.

Я замер и прислушался. В соседнем помещении и правда бормотали, но это был не человек, а обезьяны. Ни секунды не теряя, я надавил черную кнопку, и кровать вросла в стену, откуда выехал рабочий стол Иггельда.

Где же дверь? Она должна быть здесь! Но ни за шкафом, ни за полками, ни в полу ее не оказалось. Не найдя видимые намеки на потайную дверь, я принялся простучивать стены, ежеминутно замирая и прислушиваясь, не вошел ли кто. Не

обнаружив, что искал, я переместился с обыском в помещение с обезьянами.

Внимание мое привлек черный рычажок в стене, я огладил ее и обнаружил проем, который никто не пытался даже замаскировать. Неужели оно? Я надавил на рычаг, и передо мной распахнулась дверца в темноту, откуда пахнуло пылью и зерном.

Вскоре стало ясно, что никакая это не дверь под землю, а подсобка, где хранились ведра, клетки, емкости и корм для животных.

Последняя надежда на первую комнату с креслом. Осмотрел ее я бегло, и обыск результатов не дал. Нажимать кнопки на кресле со шлемом не рискнул – неизвестно, как оно работает. Придется топтать на поверхность и искать тайный ход там, но прежде – бегом к себе, монтировать изображения с камер.

В коридоре я едва не столкнулся с Кулером, который шахрахнулся к стене, так внезапно я вылетел. Сначала подумалось, что он некстати встретился и может рассказать о моем визите Иггельду, а тот потом проверит камеры... Но я успокоил себя, что это обычная паранойя: Кулер не посмеет даже заговорить с Иггельдом, что происходит в лаборатории, его не касается, он не имеет права туда входить.

Монтаж занял минут десять: вырезать изображение пустого коридора и вставить в два места: где я вхожу в лабораторию и где вылетаю из нее.

Вряд ли Иггельд будет просматривать видео и вникать в детали, ему это не нужно, он думает, что окружен преданными людьми, но перестраховаться следует.

Закончив, я выдохнул, откинулся на спинку стула, завел руки за голову. Выдыхай, бобёр! Или не выдыхай, потому что мне предстоит вторая, наземная часть квеста. Если не найду воображаемый запасной выход, я не успокоюсь, нет, потому что он логичен. Когда-то я даже обсуждал с Иггельдом необходимость рабочего выхода, он согласился, но строить его не стал.

Когда ты приползаешь полудохлым, и все, что тебя волнует, – как дожить до завтра, тебе не до шпионских игр, ты отметаешь все второстепенное и сосредоточиваешься на важном. Теперь же важное наложилось на второстепенное, потому что ответы на мои вопросы скрыты от посторонних глаз, а вопросов очень много.

Что случилось в прошлый раз и чего боится Иггельд?

Чем опасна сборка и от чего оберегает браслет?

Чем она мне грозит?

Что, черт побери, именно происходило вчера с мартышкой Ньюшей, какому излучению она подверглась?

Почему одним Иггельд выдал браслеты, а другим – нет?

Почему Спрут не сказал мне, что происходит в НИИ?

Голова кругом, и ни одного ответа, а предположения одно другого безрадостней. Я поймал себя на мысли, что моя вера в Иггельда циклична: стоит оказаться рядом, посмотреть,

как он относится ко всему живому, и сомнения пропадают, но едва включается разум, просыпаются сомнения.

Кажется, я даже знал, где находится секретный проход в Институт. Где-то в дачном поселке Малина-Village. Уж очень часто там появлялись гости.

Чтобы сталкерам нечего было ловить в этих краях, наши люди разряжали аномалии, и они не рождали артефакты. К тому же незваных гостей отпугивали точки, генерирующие инфразвук, который вызывал тревогу у людей и мутантов и мотивировал их поскорее убираться.

Бар «Три поросенка», куда стремились заблудшие новички, находился восточнее.

Как ни крути, нечего сталкерам делать в Малина-Village, однако они снова и снова там появлялись. Значит, надо искать там.

Мысли так одолели, что я не сразу заметил, как контейнер в кармане, где «отвертка», ощутимо давит бедро. Этот артефакт дважды спас мне жизнь, взамен забрав столько моего времени, сколько посчитал нужным. Удивительно, что я еще живой...

Пришла мысль, что можно свести вредное действие артефакта к минимуму, если... Вспышка, раскат грома, черные брызги. Пульсирует в ладони прозрачная капля, и мир закручивается в спираль. Что это значит? О чем мне хочет рассказать Зона?

Я расслабился, вдохнул, выдохнул, открыл контейнер,

чтобы сосредоточиться на «отвертке» – спирали из полудрагоценного камня. Интересно, новая сборка поможет мне приблизиться к цели? Я закрыл глаза, но никакой конкретной картинки не возникло – какие-то взрывы, грохот выстрелов... Я распахнул глаза от того, что в видениях кто-то отвесил мне оплеуху.

Что за бред? Продолжаем, замуриваемся, выгоняем из головы мысли, держим только «отвертку», думаем только о ней.

Аномалия «молния» разряжается очень странно – из нее летят горящие клочья мха, подлеска, то ли плоти, то ли волос, она плюется сгустками темноты... Ясно: разрядить «молнию» «отверткой». И получится камень в форме капли, который... Телепортирует? Почему картинка изменилась? Куда именно он телепортирует? Или я ошибаюсь? Одно ясно, арт очень ценен.

Впрочем, если он просто телепортирует в параллельный мир, это уже неплохо. Когда встает вопрос, сдохнуть в этом мире или жить в другом, любой нормальный человек выберет жизнь. Было бы время, занялся бы вопросом и изучил сборку, сейчас же...

Почему бы и не сейчас? Все равно мне нужно ждать обострение, чтобы попытаться вылечиться. Как раз будет повод подняться на поверхность. Скажу, получится суперполезная вещь на случай ядерной войны или глобальной облавы, но надо несколько дней поблуждать по лесу в поисках

аномалий...

– Химик, я готов, приходи в медблок! – гаркнул коммуникатор, заставив меня вздрогнуть.

Видимо, Иггельд больше не подвергал мартышку действию излучателя, а сразу принес в медблок и уже сканировал ее голову. Я встал рядом с упершимся в стол Иггельдом, уставился в монитор, где проступало трехмерное изображение обезьяньей головы. Меня волновало одно-единственное место – проекция чуть выше уха, где на изначальном снимке темнело пятно опухоли. Сейчас, по сути, решался вопрос моей жизни.

Иггельд тоже замер, напрягся, взором вцепился в экран. Когда процедура завершилась, он издал радостный возглас и ткнул пальцем в пятнышко, которое было чуть больше горошины:

– Ты только посмотри! Опухоль уменьшилась в два раза! Я не верю своим глазам! Как думаешь, нам дадут нобелевку за это открытие?

«Вы будете жить», – улыбаясь, проговорила воображаемая красавица-медсестра, просматривающая мои анализы. Лысый скептик с осунувшейся физиономией, точь-в-точь мой первый лечащий врач-онколог, проворчал: «Рано радоваться. А если не рано, узнай, чем за излечение мартышка заплатила, она неспроста такая послушная и спокойная».

– Это нужно отметить! – Иггельд взял мартышку на руки, и она вскарабкалась ему на плечо, обняла его и принялась

тыкаться мордой ему в шею.

Пить с ним было совершенно не с руки.

– С этой суетой совсем забыл сказать. По пути сюда я добыл редкий артефакт, который в простенькой сборке может дать совершенно незаменимую вещь...

– Какую? – без энтузиазма спросил Иггельд, похоже, он вообще не слышал моих слов, а если слышал, то не придал им значения.

– Пока трудно сказать. Похоже на телепорт, но не уверен.

– У нас есть нужные арты для сборки? – Иггельд почесал мартышку за ухом, от удовольствия она пустила слюну.

– Нужен не арт, нужна аномалия на поверхности.

Задумчивый Иггельд принялся мерить шагами комнату. Остановился, перевел взгляд на меня.

– Вот ты неугомонный! И почему тебе не живется спокойно, вечно тянет тебя куда-то. Например, Ремарка почитать. Ты дома, только когда болеешь. По правде сказать, мне это в тебе безумно нравится! Ты умрешь на бегу, а не в постели, ты все время развиваешься, растешь. Ты – настоящий человек, каким он и должен быть.

– А остальные? – осторожно поинтересовался я, рассчитывая, что Иггельд разговорится, когда будет затронута его любимая тема, но он не оправдал ожиданий, махнул рукой и уронил:

– Неразумные дети, но есть и с проблесками сознания.

– Дети хорошие, – поддержал разговор я, пытаюсь раскру-

тить его на откровенность.

Иггельд криво усмехнулся:

– Когда это они были добрыми? Дети – маленькие убийцы, они не осознают смерть, для них убить живое существо – что игрушку сломать. Вспомнилось, как я когда-то возвращался домой... еще тогда, в прошлой жизни, а возле дома была кишачая головастиками лужа, и мальчишки лет шести ловили их и убивали кирпичом, вокруг них валялись сотни расплющенных трупиков. Дети мучают кошек и птичек, потому что к животным ближе нас и одержимы жаждой убийства, разрушения. В детстве я топил муравьев и жег мокриц спичками, мне нравилось, как они краснеют, я тогда еще не осознавал, что такое смерть и боль, и не понимал, что отнимаю жизнь.

– Наверное, ты прав. Я отрывал крылышки мухам, – еще много чего вспомнилось, но говорить я не стал. – Представь, если бы всех этих детей воспитать правильно, рассказать, что мир вокруг них – живой. Они выросли бы, и мир изменился. Жаль, что взрослые безнадежно потеряны.

Иггельд вскинул бровь и посмотрел на меня, как на больного. Наверное, я подумал бы так же, если бы Иггельд вместо Бетховена или Вагнера включил скандинавский рок или шансон.

– Что ты думаешь делать дальше? – спросил я, сменив тему. – Будешь вести прием страждущих, размещать их в лаборатории и избавлять от недугов? По одному или толпой?

– Группами с идентичными заболеваниями, – радостно ответил Иггельд. – Хочу проверить на межпозвонковых грыжах, артрозах... Прежде испытаю на животных и лишь потом стану лечить людей.

Хотелось спросить, какая ему с этого выгода, но я сдержался. Скептик заговорил теперь уже голосом Пригоршни: «Ты только представь: тысячи, миллионы людей-зомби, тихих и здоровеньких, строят правильный чистый мир, где царит любовь и братство, а во главе этого мира – солнцеликий Иггельд. Разве это плохо? Они даже не догадаются, что это не их выбор, а воля кукловода. Ты согласен на такую участь?»

Я отогнал мысль, возразил, что пока ничего не доказано. Вот когда побываю под землей, увижу тамошнюю часть НИИ, если она вообще существует, тогда и можно будет делать выводы.

– Тебе нужны сопровождающие на поверхности? – поинтересовался Иггельд.

– Нет, я поброжу по безопасным окрестностям день-два, молния встречается довольно часто, так что займет у меня это скорее сутки, чем двое. Выдвинусь, думаю, завтра с утра, я еще недостаточно отдохнул.

– Правильное решение! – кивнул Иггельд, отвернул от себя слюнявую морду мартышки и обратился к Ньюше: – Хватит уже! Я весь мокрый и скользкий.

Обезьяна послушалась, прижалась щекой к его щеке и

зажмурилась, как влюбленная женщина, прикасающаяся к объекту страсти.

Итак, план на завтра: найти на поверхности черный ход в тайную часть Института и успокоиться наконец. Вдруг и правда никто не замышляет дурного, а у меня просто разыгралось воображение?

Глава 5. Пригоршня. Ни у кого нет выбора

– Зяблик? – Вуд закатил глаза, пожевал губу, перебирая в мыслях сталкеров, которые у него гостили, вздохнул, покачал головой: – Вроде бы и помню, но чтобы описать его... Нет, не смогу. Он такой... серый, обыкновенный, молчит все время, ходит на цыпочках, все время оглядываясь, словно боится кого-то. Кто он, откуда – хрен его знает. Появляется всегда один, молча ткнет в меню – вот и весь заказ. Если кто из других посетителей явится, сразу уходит, даже не доев... Сейчас я пиво вам принесу, и поговорим!

Вуд грузно поднялся, брюхом зацепив стол, направился к стойке, мы с Полковником переглянулись, я вспомнил о браслетах, которые дал Спрут. Наверное, нужно один предложить Вуду, тогда уже можно не опасаться, что он предаст. Как все-таки паршиво, что нельзя поделиться всеми деталями с Полковником и Алешей, самому все сложно держать в голове, голова распухла и трещала по швам, новые знания давили на глаза, и казалось, что они вот-вот вывалятся.

– Ты бы надел и ему, – Алеша погладил браслет на запястье.

– Не поверишь, только что об этом подумал.

Теперь собрать бы в кучу мысли! А то картинки нет, просто бессмысленные куски мозаики. Итак, что мы имеем?

Пророк-Спрут предсказал много смертей, просил их предотвратить. Катастрофа с ним случилась... Когда? Он так говорил, будто участвовал в чем-то и пострадал. Зяблик тоже участвовал и теперь скрывается от сталкеров, подконтрольных Институту. Выходит, были какие-то испытания, которые закончились катастрофой.

Значит, институтские не станут спешить в этот раз, пересядут, что дает мне надежду успеть и вторую катастрофу предотвратить. Химик, Химик, во что ты ввязался? Зачем это тебе нужно, почему ты так ссучился? Я заметил, что сжимаю кулак и костяшки пальцев белеют.

Табишеву я позвонил с незарегистрированного номера, который чудом оказался у Вуда, и теперь с надеждой смотрел на телефон, ждал ответ, представляя, как Литвинов понимает, что я его обманул, его люди врываются в номер к Олесе, хватают ее...

Нет, они не успеют. Роман Табишев, где же ты? Я крутнул телефон и остановил его пальцем.

Вуд, насвистывая, возился с пивом, Алеша и Полковник сидели лицом к выходу, чтобы видеть входящих. Я повернулся ко входу спиной, чтобы сталкеры, если они под внушением, на меня не ополчились. Мои попутчики, скорее всего, агрессию не вызовут.

Вуд принес тарелку с колбасой и салом, порезанным крупными кусками, три лепешки, глубокую тарелку, полную арахиса, затем поставил кружку пива напротив каждого из нас,

а сам предпочел водку и напротив себя определил графинчик с горькой.

– Заведение дарит вам этот холостяцкий ужин. Извините, с пельменями и макаронами возиться лень.

– Спасибо, – поблагодарил я, отломил хрустящую лепешку, положил на нее кусок душистого сала с прослойкой розового мяса и только сейчас понял, что голоден и готов съесть если не целого колосса, так кабана.

Алеша чуть ли не ронял слюну, но держал лицо, вел себя степенно и начал с пригоршни арахиса. Полковник так вообще не реагировал на еду, развалился на скамье, автомат лежал у него на коленях. Вуд уселся во главе стола, опрокинул в рот рюмку водки, крикнул и зажевал ее куском колбасы.

– Вуд, ты говорил, что не знаешь, где именно НИИ, может, на западе, но скорее на юге, но про группировку Бена Ганна ты должен знать...

Вуд поперхнулся и закашлялся, забрал у меня пиво, чтобы протолкнуть ставшую поперек горла пищу. Алеша принялся хлопать его по спине. Вуд таращил глаза, махал руками и кашлял. Когда успокоился, вытаращился на меня так, словно его глаза выпали из орбит и не встали на место:

– Зачем тебе это отребье? Туда идут те, кем другие брезгуют. Насильники, беспредельщики, рецидивисты. Расскажи лучше про Спрута, что он тебе сказал?

Задать встречный вопрос – лучший способ избежать неприятного ответа.

– Спрут говорил, что мне согласятся помочь только они.

– Ну и повезло тебе! Врагу не пожелаю иметь дела с Ганном, засоси его упырь!

Я продолжил:

– Поначалу мне показалось, что Спрут – просто сумасшедший старик. Но когда он начал говорить о том, чего не может знать... В общем, я удивился. Пока все, что он посоветовал, получается. Следующий его совет – найти Ганна и Зяблика.

Полковник поднял руку, напоминая про браслет, и я приложил палец ко лбу:

– Совсем забыл! У меня есть вещь, которая защитит от чужой воли. Ты очень нам помог, потому предлагаю ее тебе, – я достал браслет из рюкзака, и Вуд без раздумий надел его на запястье. – Но действует он всего три дня – именно столько у нас есть, чтобы попытаться остановить институтовских.

Вуд вернул мне пиво и задумался.

– Думал в попутчики напроситься, стариной тряхнуть, да не стану, раз тебе будут помогать эти отморозки, есть у меня с ним счеты, – он скрипнул зубами. – Если Спрут тебе помог, значит, твое дело правое, он не к каждому выходит и не всякому оружие продает.

Насытившись, Алеша затараторил:

– Всегда смеялся со всяких бабок-провидиц, а тут чуть челюсть не потерял. Он как-то узнал, что пришел именно

Пригоршня, хотя камер нигде не было. Обзорных точек, дзорных вышек тоже не было, я специально его логово обошел и все обсмотрел.

– Говорю же, кому попало Спрут помогать не будет!

Вуд не знал, откуда у нас оружие, которое мы сложили в одном из номеров-спален, думал, что его одолжил Спрут. Пусть и дальше так думает!

Мы не заметили, как опустошили тарелку, Вуд снова наполнил ее вкуснейшим сочным салом с чесноком и колбасой. Я все ждал известий, и на нервной почве есть хотелось еще больше, Олеся называла это «заедать стресс». Где же ты, Олеся? Что с тобой? Как ужасно, что не могу быть рядом и защитить вас! Если Табишев не справится, придется возвращаться.

Алеша заказал вторую кружку пива, Вуд допил водку и успокоился, подобрел и принялся рассказывать байки из своей жизни:

– Это сейчас я тут, а раньше на предприятии работал, большим отделом заведовал, пока меня не подставили. Так вот, нужна нам была кадровичка, я разместил вакансию, и тут мне приходит письмо с адресом dildo1984, собака и так далее. Сначала я подумал – спам, «клубничка», а дальше прочел «Диляра Довлатова».

Алеша улыбнулся, как и Полковник, а мне было не до смеха. Мне на все плевать, пока я не узнаю, что с семьей. Вуд продолжал:

– Не удержался я, открыл письмо – а оно от живого человека. И никакой «клубнички» и ссылок. Жалко стало женщину, в таком-то возрасте, и не знать главного, посоветовал ей оное слово погуглить и больше с этого ящика резюме не отсылать... Не, вы представляете?

Алеша громко рассмеялся, немного натужно – так из него выходили сомнения, страх, тревога. А меня больше заботили переговоры с Беном Ганном.

– Скажи, Вуд, что за человек этот Бен Ганн? – спросил я, когда он успокоился. – Так звали пирата, который выжил на необитаемом острове.

– Беглый зэк. Была у него группировка, которая занималась грабежом. Причем не просто гоп-стопом, а грабежом с убийствами, жертв у них было под двадцать человек, это не кто попало, а люди с крупными суммами. Два года ловили по Москве Ганна, наконец, одна жертва ушла и заяву настрочила, его и взяли, стали допрашивать. Как менты наши допрашивают, говорить не надо, сам знаешь, тем более, Ганн этот без роду и племени и одного из ментов завалил. Пытали они его, значит, двое суток, но он ничего не рассказал, подельников не сдал, а они ему побег устроили, так вчетвером и ушли в Зону. Ловили их все, в том числе сталкеры, награду за них предлагали солидную, но они окопались где-то и пропали лет на шесть, а потом всплыли, да не вчетвером, а стало их человек десять. Такая история, Пригоршня.

– Невесело выбирать между чокнутыми учеными, кото-

рые мечтают покорить мир, и отморожками.

К разговору подключился Полковник:

– Бывшие заключенные, а также те, кто им подражает, «фильтруют базар» и живут по понятиям, нам никто не мешает прикинуться такими же.

– Прикинешься тут, ага, – я покосился на Алешу. – Особенно – он. Ну, вылитый герой песен Круга!

Алеша улыбнулся, обнажив снежно-белые зубы.

– Я могу остаться здесь, присоединюсь позже, когда вы войдете в доверие.

– Нет времени входить в доверие, – отрезал я и обратился к Вуду. – Где искать Бена Ганна?

Вуд воздел очи горе:

– При других обстоятельствах я пообещал бы вам кругленькую сумму за скальп Бена Ганна, но теперь... – Он развел руками, достал ПДА, поставил метку на карте и протянул его мне.

– День-два ходу. На вашем месте я сделал бы крюк и прошел на юг вдоль Периметра, хоть и длиннее путь, но доберетесь быстрее.

– Ты прав, – кивнул я, всматриваясь в экран: логово Бена Ганна находилось на юге, в нескольких километрах от Периметра в Ракове, который сталкеры считали городом-призраком, он то появлялся, то исчезал.

Я перенес метку себе в ПДА. Оказалось, что Раково – никакой не город, а забытая богом деревня.

– Теперь понятно, куда пропал Бен Ганн, когда его все искали: он случайно вляпался в пространственно-временную аномалию. Поселок Раково – такая аномалия целиком, которая уже несколько лет стабильна. Вот здорово будет, если она среагирует на нас и заработает! Путешествия между мирами в мои планы не входят.

Алеша заметно нервничал – не хотелось ему быть в одной команде с отборными головорезами, все-таки он не сталкер, а скорее интеллигент. Полковник сохранял невозмутимость, а меня волновало другое. Мои мысли метались над неразрешимым вопросом: как там Олеся и справился ли Табишев. Тревога рисовала картины из гангстерских кино со взятием заложников, и одна была страшнее другой. Только бы с Олесей и детьми не сделали ничего плохого! Я так задумался, что не сразу отреагировал на вопрос Полковника, не смущает ли меня, что наши будущие попутчики – асоциальные элементы?

Я криво усмехнулся и попытался сохранить лицо – окружающим незачем знать, какая буря у меня в душе.

– Подумаешь, отморозки! Уж я столько их в Зоне перевидал, и ничего, ладили. Они мужики прямые, не любят, когда химичат, я не химичу, мое дело правое!

– Вижу, Пригоршня, что тебя аж подмывает, но потерпи, куда бежать на ночь глядя? Переночуй по-божески и с рассветом стартуй.

Он прав. Тем более, если Табишев не ответит, мы никуда

не пойдем. Я взял телефон и больше не выпускал из рук, он нагрелся и сделался влажным.

– И то верно, уже смеркается. Два часа ничего не решат. Если бездельничаем, значит, пьем-едим от пуза. Вуд, организуешь нам шашлык? И пива еще по кружке!

Похоже, никто ни о чем не догадывался, только Вуд поглядывал с пониманием.

Когда выпивка почти кончилась, телефон принял сообщение и пискнул – я чуть не выронил его из рук и с замирающим сердцем прочитал СМС от Олеси: «Все получилось. Не переживай. Все в надежном месте. Жду вестей». Непослушными пальцами я набрал: «Поцелуй детей. Береги их. Больше не пиши, уйду с радаров и сам с тобой свяжусь».

Запрокинув голову, я шумно выдохнул. Табишев успел! Они вне опасности! Теперь можно действовать. Мало того, теперь я обязан выиграть, чтобы не только отомстить за Дениса, но и защитить свою семью.

* * *

В окно лилась предрассветная серость. Интересно, это туман или небо заволокло тучами? Я выглянул и заметил догорающую над горизонтом зарницу. Просто еще не взошло солнце. Отсюда не видно, но горизонт наверняка уже рдеет румянцем.

Полковник тоже оделся и с укором смотрел на храпящего

Алешу. Я встал над ним и заорал во всю глотку:

– Р-р-рота! По-одъем!

Алеша, обнимающий подушку, задержался, забил ногами, как пойманный за уши заяц, распахнул ошалелые глаза, непонимающе на меня уставился.

– Ты что, будильника не слышал?

– Нет, – хрипнул он. – Зачем так орать? Просто растолкали бы, у меня чуткий сон.

– Ага, сон чуткий, но будильник, ревуший, как труба, мы не слышим. Ох, и доставалось бы тебе в армии! Сразу видно: не служил. Растолкали бы... Чтоб тебя поднять, нужно вызывать манипулятор.

– Да встаю уже. Я, вообще-то, сова. Привык спать до обеда и ложиться в три.

Часть оружия мы решили оставить здесь: если отморозки откажутся нам помогать, им можно будет расплатиться с согласившимися. Себе я взял все тот же АК с укороченным стволом, пистолет «беретту», пять патронов к подствольнику. Подумал и решил снайперку пока оставить – ни к чему лишний груз таскать. Возьму ее, когда мы точно на Химика пойдем.

Собрались мы быстро и выдвинулись, пока не рассвело. До Ракова было пятнадцать километров, которые поначалу давались нам легко: мутанты сюда забредали редко, и не самые опасные, аномалий тоже было немного. Правительство перестраховалось и захватило несколько сотен метров «здо-

ровой» земли, где они и вовсе не встречались.

Когда сталкерам нужно было с юга на север, с запада на восток, они всегда шли вдоль Периметра. Вояки этим пользовались и частенько устраивали облавы, ведь каждый третий сталкер в Зоне – без пропуска. Часов в девять утра мы поняли, что выбрали не самый безопасный маршрут – протоптанная тропинка в лесу стала напоминать муравьиную дорожку, где постоянно кто-то шел навстречу, и нам приходилось прятаться, отсиживаться в разрушенных домах.

К обеду мы сообразили, что правильнее было выдвигаться ночью, но поскольку у нас не было времени ждать следующую ночь, мы решили топтать напрямую по скучной Зоне Первого круга.

– Десять лет назад не было тут столько людей, – возмущался я, сквозь заросли жердняка прорубаясь к обозначенной на карте асфальтовой дороге. – Кроме мутов, тут еще и всплески...

– Они и контролируют нубье поголовье, – проговорил Алеша, – иначе вообще было бы не протолкнуться... – Он ненадолго замолчал и продолжил: – Вы только подумайте, сколько здесь погибло людей за все время!

Даже в паре километров от Периметра нам встретились три группы. Вели они себя, как и подобает сталкерам-новичкам: сбившись в кучки и ни на миг не опуская стволы, они проверяли пространство вокруг себя гайками и замирали от каждого звука.

Каждый раз, увидев такое, Полковник не мог сдержать негодование:

– У меня бы за такое сразу на «губу» пошли! Руки поотрывать! Они напарников перестреляют, а не мутантов!

В Полковнике просыпался Полковник, он краснел, желваки на шее вздувались, и мне становилось спокойнее, потому что иногда казалось, будто передо мной не человек, а робот.

Мы рассчитывали добраться до места сегодня, но не уложились вовремя, и сумерки застали нас в Солнечногорске недалеко от перевалочного пункта «Баркас». В бункер мы идти не стали, там наверняка уже кто-то есть, решили поискать ночлег в опустевшем Солнечногорске – городе с высотками, супермаркетами и вокзалом.

Неуютно становится, когда идешь по замершему городу с золотыми окнами верхних этажей, а внизу, между домами, в парках и дворах, где молодые вишни и сирень прорастают сквозь детские площадки, уже притаился мрак, сгруппировался и ждет, когда блеснет и погаснет последний луч, чтобы воспрянуть, броситься из-за угла, сбить с ног, вцепиться в горло.

Конечно же, здесь есть мутанты, но они осторожны, привыкли, что гости тут бывают часто и у них всегда есть оружие, потому не спешат нападать, следят за нами из-за черных стекол. То ли кажется, то ли на самом деле за витринами – движение, кто-то сверлит спину недобрым взглядом, и все время хочется почесаться.

Мы миновали торговый центр со стеклянной стеной, а когда обошли его, заметили копошащегося в земле детеныша бургера. Заметив нас, он заверещал и спрятался в торговом центре, где загомонили взрослые мутанты.

Ночевать нам придется в Солнечногорске. Чтобы предотвратить ночное нападение бургеров, я дважды выстрелил из подствольника по стеклянным стенам. До чего же красиво разлетаются брызги осколков, подсвеченные пламенем взрыва!

Алеша невольно пригнулся и закрыл уши ладонями. Полковник проговорил:

– Действовать на опережение – это правильно.

Мы отошли от торгового центра метров на двести и решили провести ночь в современной бежевой высотке: найти квартиру с железной дверью, которая закрывается изнутри, и окопаться там. Выбрали не загаженный мутантами подъезд, пыхтя, поднялись на шестой этаж, но там не оказалось квартиры с надежной дверью – все китайские из жести, которые ножиком вскрываются. А вот на восьмом удача нам улыбнулась – мало того, что дверь железная, она к тому же оказалась открытой.

Из Солнечногорска люди не исчезли, просто большая часть из них сошла с ума, когда прокатился изначальный всплеск, и в квартире царил порядок. Если бы не пыль и паутина, можно было бы подумать, что хозяин... точнее, хозяйка, вот-вот вернется.

Это была студия метров сорок квадратных. Несколько бутылок в баре, под пылью не видно, что это за напитки, компьютерный стол с усопшим компом, рядом многофункциональный тренажер со встроенной беговой дорожкой. Чуть ли не треть квартиры занимала роскошная кровать.

Алеша снял рюкзак и прыгнул на кровать, утонув в облаках поднятой пыли.

– Холостяцкое логово, – проговорил он. – Почти как мое, только цвета другие.

Полковник запер дверь, подергал ее, вышел на балкон, осмотрел его, вернулся и отчитался:

– Теоретически можно подняться с улицы, но если кто-то попытается пролезть, придется разбить стекло, и мы проснемся раньше, чем он дотянется до нас.

С балкона открывался вид на озеро, где отражались округлые тучи с розовыми боками, и на железнодорожные пути. Я б здесь жил, если бы не Зона! Симпатичный был городок, где современность соседствует со старыми домишками и роскошными парками...

– Что будем делать, если вдруг всплеск? – спросил Алеша с кровати.

– Сбежим в цоколь, – ответил я. – Здесь всплески слабенькие, не достанут.

– Так хорошо, что есть я отказываюсь, а буду спать прямо здесь, с краю. Все, не кантовать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.